

О. Ю. Куц

АЗОВСКАЯ ОБОРОНА 1641 г.: ИСТОЧНИКИ И ХОД СОБЫТИЙ

Оборона в 1641 г. донскими казаками турецкой крепости Азов, захваченной ими четырьмя годами ранее, принадлежит, безусловно, к выдающимся событиям мировой военной истории. Целой армии одного из сильнейших государств Европы и Азии в ходе беспримерно ожесточенных боев не удалось справиться с горсткой (по отношению к турецким силам) храбрецов-добровольцев, по собственной воле вступивших в смертельную и, по большому счету, едва ли не безнадежную для них схватку.

Однако обстоятельного и всестороннего рассмотрения как источников, так и самого хода обороны Азова до сих пор проведено не было, хотя события под азовскими стенами лета—осени 1641 г. издавна привлекали к себе внимание историков.¹ Интересно следующее. Большинство имеющихся в литературе описаний азовской обороны

---

¹ Необходимо отметить, что была еще одна оборона Азова казаками — в 1638 г. Тогда крымско-турецкое войско во главе с крымским ханом простояло под азовскими стенами «двенатцать недель», ничего не добившись. Оборону города возглавил, по-видимому, войсковой атаман Тимофей Яковлев (Лебяжья Шея). После осады казаки общали в Москву, что они в осаде «всякую нужу и голод терпели», а также истратили во время приступов неприятеля весь свой порох и свинец. См.: Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стб. 849, 984 (Государева грамота на Дон от 2 января 1639 г., частично передающая содержание казачьей отписки в Москву; войсковая челобитная о жаловании, поданная казаками в Москве 21 ноября 1638 г.). А. А. Новосельский, правда, пишет, что осады Азова в 1638 г. не было — крымский хан с войском не дошел до него, с полпути повернув обратно (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 271); однако это не так. О ходе самой осады сведений нет, в «Донских делах» за данное время наблюдается провал в документах.

1641 г. вступают в резкое противоречие с сообщениями так называемой Поэтической повести об азовском осадном сидении, которая является важнейшим источником по данной тематике. При этом ни полемике, ни аргументации авторами своих точек зрения на ход азовской обороны в историографии нет, хотя сама Повесть широко используется исследователями. Рассмотрим литературу вопроса.

Рассказ об обороне Азова имеется уже в сочинении адмирала петровской эпохи К. Крюйса, предпринявшего в 1699 г. путешествие вниз по Дону.² Источником для К. Крюйса послужили, по-видимому, сообщения донских старожилов. Автор сообщает как о численности противоборствующих сторон, так и о ходе обороны Азова. В частности, К. Крюйс говорит, что уже в начале осады после ожесточенных приступов огромными силами, длившихся семь дней, турки «издержали почти весь свой порох и за тем принуждены были целыя десять недель без действия стоять, через што осажденные получили себе отдохновение».³ Таким образом, получается, что турецкая сторона вела себя пассивно в июле—августе, хотя это были как раз месяцы ожесточенных боевых действий, когда казаки не раз оказывались на краю гибели. По К. Крюйсу же выходит, что инициативой в данное время обладали казаки, взрывавшие турок с помощью подкопов и устраивавшие ночные вылазки.⁴ В целом, сведения, приведенные автором, интересны, однако по большей части они не подтверждаются документальными свидетельствами. Однозначно достоверным из сообщений К. Крюйса можно признать, по нашему мнению, лишь тот факт, что в результате казачьих подкопов и вылазок турки под стенами Азова «нигде безопасно быть не могли». Неверна и дата ухода турецкого войска из-под Азова — 2 октября (вместо 26 сентября).⁵ Источник информации о ходе азовской обороны К. Крюйс не указывает, не использует он и данных Поэтической повести.

В изданной в XVIII в. работе Г. З. Байера, в разделе, касающемся обороны казаками Азова в 1641 г., повторяется, с некоторыми неточностями, рассказ К. Крюйса. В частности, уход турок из-под Азова датирован 1-м октября.⁶ Тот же рассказ (с небольшими изменениями) приводится и в книге А. И. Ригельмана, написанной в 1778 г.

² Крюйс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове, учиненные в 1699 г. // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньным. Ч. 20. СПб., 1824.

³ Там же. С. 191—193.

⁴ Там же. С. 192—195.

⁵ Там же. С. 191—192, 194—195, 200.

⁶ [Байер Г. З.] Краткое описание всех случаев, касающееся до Азова. СПб., 1782. С. 89—94.

В частности, отступление турок от города датируется у него 5-м октября.⁷

В исследованиях историков XIX в. события азовского осадного сидения даны с учетом данных Поэтической повести. Это относится к работам В. Д. Сухорукова и С. М. Соловьева. В. Д. Сухоруков в книге «Историческое описание земли Войска Донского» характеристике боев под Азовом посвятил две страницы, не снабдив их, однако, ссылками на документы, что он, как правило, делает. Дату прихода турецко-крымского войска под город В. Д. Сухоруков определяет 7-м июня (согласно Поэтической повести, это произошло 24 июня). Автор кратко говорит об отбитых казаками первых пяти приступах и о казачьих вылазках, посеявших страх («робость») в рядах турок. Затем В. Д. Сухоруков отмечает, что 9 августа 1641 г. из-под Азова в Стамбул пришло прошение о прибавке людей и боеприпасов. Последние были отправлены из Константинополя 15 августа.⁸

После получения турецким войском подкрепления боевые действия возобновляются, согласно автору, с новой силой. Далее описание боев он дает по Поэтической повести. В. Д. Сухоруков говорит о создании турками в несколько дней земляного вала высотой в 7 сажень и обстреле с него стен Азова в течение 16 дней и ночей, о подрыве казаками этого вала с помощью двух проведенных под него подкопов. Затем сообщается о развернутой казаками подкопной войне — проведении ими 28 подкопов под турецкий лагерь и произведенных с помощью этих подкопов опустошениях в рядах турок. Одновременно казаки нейтрализуют 17 турецких подкопов под азовские стены. Затем посрамленные турки в ночь на 26 сентября поспешно уходят.⁹ Почему события осады, в Поэтической повести идущие в начале, у него перенесены ближе к ее концу, автор не поясняет; происхождение известий о первых пяти турецких приступах также остается неясным. Тем не менее, созданная В. Д. Сухоруковым схема боевых действий под Азовом в 1641 г. будет еще долгое время сохраняться в историографии. С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» очень кратко, буквально в двух словах, упоминает об азовском осадном сидении. Он говорит лишь, что казаки «с отчаянным мужеством» отразили 24 приступа, после чего 26 сентября турки сняли осаду.¹⁰

⁷ Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 49—52.

⁸ [Сухоруков В. Д.] Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 187.

⁹ Там же. С. 188.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. М., 1995. С. 233.

В советское и постсоветское время событиям азовской обороны 1641 г. были посвящены как разделы в общих работах по истории казачества, так и отдельные работы; последние чаще всего носят научно-популярный характер. Это относится, в частности, к брошюре Б. В. Лунина «Азовское сидение», вышедшей в 1939 г. При описании борьбы под Азовом автор следует за В. Д. Сухоруковым. Начало боевых действий Б. В. Лунин относит к 7 июня. Далее он в общих словах говорит о военных действиях, причем недостаток фактов заменяется у него на художественные описания. Вот характерный пример: «Уже свыше двух месяцев защитники Азова не знали смены, не смыкали глаз по многу дней и ночей. <...> На строгом учете находилось оружие, порох, продовольствие. Люди недоедали, не сменяли одежды, исхудали...».¹¹ И лишь с конца августа, согласно Б. В. Лунину, происходит строительство турками земляного вала, мощные обстрелы крепости, проведение казаками подкопов, полоса «самых отчаянных приступов» турок и разрушение азовских укреплений.¹² Данные эти почерпнуты, как и у В. Д. Сухорукова, из Поэтической повести, однако с нарушением хронологии последней. Все сказанное характерно и для более поздней книги того же автора «Очерки истории Подонья—Приазовья».¹³

Особое место в историографии азовского осадного сидения 1641 г. занимает книга Н. А. Смирнова «Россия и Турция в XVI—XVII вв.», вышедшая в 1946 г. Во втором томе своей работы автор посвятил довольно большой раздел обороне казаками Азова. События азовской обороны представлены у него на основе Поэтической и Документальной повестей об Азове, свидетельств турецкого автора Эвлии Челеби и ряда опубликованных документов из дел Посольского приказа.¹⁴ В настоящее время это наиболее полное по источниковой базе изложение событий азовского осадного сидения. Следует, однако, сказать, что Н. А. Смирнов ограничился лишь механическим пересказом источников, без попыток обработки и сопоставления их; особенностью описания Н. А. Смирнова является приведение длинных цитат из документов.¹⁵ Характерно в этом отношении, что автор не выяс-

¹¹ Лунин Б. В. Азовское сидение. М., 1939. С. 50—51.

¹² Там же. С. 49—58.

¹³ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья—Приазовья. Кн. 2. Ростов н/Д, 1951. С. 54—56.

¹⁴ Что касается источников из дел Посольского приказа, то речь идет о документах из фонда № 111 («Донские дела») РГАДА. Опубликованы в издании: Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906.

¹⁵ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. // Уч. зап. МГУ. Вып. 94. Т. 2. М., 1946. С. 66 и далее.

нил дату начала обороны Азова, приведя оба имеющихся в источниках известия о времени подхода турок под крепость (7 и 24 июня), хотя выявить верную дату по документам, в общем-то, не составляло труда.¹⁶ Таким образом, получается, что Н. А. Смирнов как бы снимает с себя ответственность за воссоздание картины боев под Азовом, которая выходит у него совсем иной, нежели у предшественников. Так, возведение земляного вала турецкой стороной и последовавшие сразу за этим события автор относит к началу осады. Историографии проблемы Н. А. Смирнов не касается.

В работе М. Я. Попова «Азовское сидение», вышедшей в 1961 г., значительная часть посвящена (как и в одноименной книге Б. В. Лунина) различным сведениям о казаках, включая вопросы предыстории азовского осадного сидения, внутреннего устройства донского казачества и пр. При описании событий азовской обороны автор использует как Поэтическую повесть об азовском осадном сидении, так и данные Эвлии Челеби. Тем не менее, он идет следом за историографической традицией, родоначальником которой был В. Д. Сухоруков. В частности, события, которые происходили по Поэтической повести в конце июня—августе (возведение турками земляного вала, подкопная война), М. Я. Попов относит к сентябрю.¹⁷

Статья Ю. А. Тихонова «Азовское сидение», вышедшая в 1970 г., также носит, скорее, информативный, чем проблемный характер. Рассматривается предыстория азовских событий 1641 г. Часть статьи посвящена осаде турками Азова. При описании азовской обороны Ю. А. Тихонов, в основном, придерживается Поэтической повести, довольно подробно излагая ход борьбы. Однако в статье встречаются и некоторые фактические неточности. В частности, если твердо придерживаться Поэтической повести, то не совсем верно, что турки, как пишет автор, предприняли атаку на Азов лишь после мощного артиллерийского обстрела; в ходе этой атаки казаки якобы оставили Топраков город, и лишь затем началось возведение турками земляного вала. Согласно Повести, последовательность событий была иной. Возможно, здесь автором отдана своеобразная дань историографической традиции, положенной В. Д. Сухоруковым. В то же время неточности автора могут объясняться и недостатком источников.¹⁸ Следует отметить также, что термин «азовское сидение» как М. Я. Поповым, так и Ю. А. Тихоновым рассматривается в качестве синонима к

¹⁶ Точная дата прихода неприятельских сил под Азов сообщается в войсковой отписке с Дона в Москву от 24 июня 1641 г. См.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 216.

¹⁷ Попов М. Я. Азовское сидение. М., 1961. С. 72.

¹⁸ Тихонов Ю. А. «Азовское сидение» // ВИ. 1970. № 8. С. 107—108.

выражению «азовская эпопея», что не совсем правильно. Слово «сидение» в данном контексте обозначало в XVII в. именно «осадное сидение», оборону города, а не простое пребывание в нем.

В брошюре Б. В. Лунина «Азовская эпопея», вышедшей в 1988 г. и носящей научно-популярный характер, автором, наконец, преодолевается тенденция относить сооружение турками земляного вала к концу августа 1641 г. Б. В. Лунин возводит теперь это мероприятие турецкой стороны к событиям, последовавшим сразу за первым приступом к городу. Вскоре, по его мнению, впрочем, последовал «круглосуточный штурм» Азова, хотя по Поэтической повести он произошел в конце осады. Б. В. Лунин не поясняет обстоятельств изменения своей точки зрения на ход азовского сидения; это, впрочем, и не обязательно для научно-популярной работы. Довольно подробно автор говорит о казачьих вылазках и подкопной войне, основываясь на опубликованных материалах.

В последней книге Н. А. Мининкова о военных действиях под Азовом говорится довольно коротко, описание хода событий ограничивается общими чертами. Особое внимание автора сосредоточено на рассмотрении неизвестных ранее сведений о переговорах турецкой стороны с казаками относительно оставления ими Азова.¹⁹

Таким образом, как показывает сделанный нами краткий обзор литературы об азовском осадном сидении 1641 г., проверка достоверности сообщаемых Поэтической повестью известий является на сегодняшний день насущной необходимостью. Вместе с тем надо отметить, что по рассматриваемой теме до нас дошел целый комплекс малоизвестных архивных источников, позволяющих не только проверить достоверность сообщаемых Повестью данных, но и существенно дополнить их. Прежде всего, это сведения о ходе обороны Азова, собранные в 1641 г. астраханскими воеводами. Эти материалы отложились в фонде № 127 (Сношения России с ногайскими татарами. 1641 г. № 1) РГАДА. Впервые на эти документы обратил внимание А. А. Новосельский, который в своей книге привел яркую выдержку из одного источника данного комплекса.²⁰ Однако подробно останавливаться на теме обороны Азова в 1641 г. автор не стал, поскольку она лишь косвенно относилась к затрагивавшимся в его работе проблемам. После А. А. Новосельского упомянутые документы привлек в своей последней книге к описанию событий азовского осадного сидения Н. А. Мининков. Но из-за краткости этого описа-

¹⁹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 387—389.

²⁰ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 286.

ния, вызванного широкой тематикой, развернутого анализа упомянутых источников Н. А. Мининков не дал. Наконец, существует ряд документов, которые опубликованы, но к освещению событий азовского осадного сидения 1641 г. не привлекались. В связи с указанными обстоятельствами задачей настоящей статьи является как всестороннее рассмотрение источников, содержащих сведения об обороне казаками Азова, так и реконструкция хода этой обороны.

Однако, прежде чем перейти к источникам и событиям времени собственно азовского осадного сидения, необходимо предварительно осветить ряд вопросов, без раскрытия которых (хотя бы кратко) представление об обороне казаками Азова в 1641 г. будет неполным. В первую очередь несколько слов следует сказать о длительной и весьма непростой предыстории азовского осадного сидения 1641 г. Мы коснемся здесь лишь наиболее важных, либо же остающихся на настоящий момент малоизвестными сведений относительно ее.

Решение об обороне Азова далось донским казакам непросто. Спустя некоторое время после взятия Азова видим «брань» (разногласия) в казачьей среде по поводу удержания казаками за собой этого города — «иные де Азов хотят держать, а иные не хотят», причем последние довольно прозорливо заявляли: «стены де нас не накормят».²¹ По-видимому, это была позиция казаков низовых донских городков — весьма влиятельной в войсковых делах части казачества. Впоследствии именно казаки Черкасского и Манычского городков отказывались идти в Азов в осаду, заявляя: «Мы де за камень умирать не хотим!...»²² Однако стараниями жителей собственно донского центра и, по-видимому, казаков из верховых городков все же взяло верх решение остаться в Азове и оборонять его от турок. Так, посылавшийся зимой 1637/38 г. в Азов с грамотой из Москвы воронежский сын боярский Трофим Михнев отмечал затем в распросе, что казаки «против крымских и турецких людей стоять готовы» и «Азова им крымскому царю и турецким людям» не отдавать.²³ Возобладала, по-видимому, высказывавшаяся казаками еще ранее (в частности, в 1635 г.) точка зрения, что если Азов будет за русской стороной, то «крестьянские де <...> крови и порабощенья» прекратятся (речь идет о татарских набегах на южнорусский край), а Большие Ногаи из Крыма перейдут под Азов обратно в русское поддан-

²¹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 383.

²² Донские дела. Кн. 2. Стб. 177 (Войсковая отписка из Азова в Москву от начала мая 1641 г.).

²³ Донские дела. Кн. 1. Стб. 662.

ство.²⁴ Заинтересованность в осуществлении подобных прогнозов проявляла и Москва.

Время показало, что казаки оказались правы в отношении политических последствий взятия Азова, но сами сильно проиграли экономически. Дело в том, что турки, напуганные открывшимся для казаков устьем Дона, бросили свои военно-морские силы к Керченскому проливу, блокировав его. По этой причине казачьи походы на море 1638—1640 гг. оказались по большей части неудачными, вследствие чего казаки потеряли один из важнейших источников своего благосостояния — военную добычу от морских походов. Москва помогала казачьему Войску материально, но этой помощи было недостаточно.

Казаков ранее неоднократно спрашивали из Москвы, нужна ли им военная помощь, но Войско сначала тянуло с ответом, а затем в лице войскового атамана Михаила Иванова (Татарина), присланного в апреле 1638 г. в Москву, отказалось от нее.²⁵ Между тем, в связи с отсутствием военных добыч на море казаки начинают расходиться из Азова, ставя последний в опасное положение в случае осады. В городе ощущается экономическая и политическая нестабильность, появляются требования казачьей стороны прислать в связи с этим в Азов войска. Однако, уже раз приняв решение не оказывать казакам военной помощи, в Москве больше не возвращались к данному вопросу. В результате, к началу осады казаки оказываются в достаточно непрестом положении.

Далее приводим отрывок из войсковой отписки донских казаков в Москву, отправленной из Азова в канун осады, 24 мая 1641 г. с атаманом Анисимом Никифоровым и казаками его станицы. Данный документ к изучению азовской обороны до настоящего времени привлечен не был, в связи с чем даем выдержку из него о положении в Азове (в том числе, экономическом) перед осадой его турками. Казаки, в частности, писали в Москву: «И ныне, государь, мы <...>, живучи в Азове, помираем голодною смертию, и наги, и боси. А твоего государева жалованья — хлебных запасов к нам, холопом твоим, се лето не бывало, и торговые, государь, люди с Руси з запасы и никакими тавары к нам не бывали ж. А пороху, государь, и свинцу у нас нет, стояти противу окаянных и злоневерных <...> твоих государевых су-

²⁴ РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1635 г. № 2. Л. 67; 1637 г. № 1. Л. 360 (Статейные списки посылавшихся на Дон с государевым жалованием в 1635 и 1637 гг. соответственно В. Струкова и С. Чирикова).

²⁵ Донские дела. Кн. 1. Стб. 709. По-видимому, казаки опасались, что город в этом случае перейдет в руки русских воевод.

постат, и за дом Иоанна Предтечи, и за тебя, великого государя, нечем. И кормитесь нечем же, всем скудны, и купити, государь, ни запасов, ни одежды не добудем. А добычи стали тугие: где преж сего добывались, и чем кормились²⁶ — и ныне, государь, божиею милостью и твоим государьским счастием те орды и город под твоею царьского величества высокою рукою, и нам, государь, холопом твоим, во всем стало гораздо нужно и безодёжно, и голодно. И без пороху, и без свинцу погибаем, х какому нужному делу за дом святого славного пророка и предтечи Крестителя Христова Иоанна и за твою, великого государя, отчину постояти и кормитесь нечем».²⁷

Возможно, здесь несколько преувеличена нужда казаков, но подобное высказывание было уже не первым, а значительный недостаток «хлебных запасов» действительно имел место. Большая партия хлеба (пять тысяч четвертей), которую Москва собиралась послать на Дон из Воронежа, в итоге была задержана из-за военной опасности по Дону и не дошла до Войска. Упоминание о недостатке у казаков в Азове хлебных запасов еще встретится нам в источниках. Тем не менее, несмотря на сложность положения, Донское Войско пошло на оборону города.

Необходимо сказать об укреплениях, которые пришлось штурмовать туркам. Азовская крепость состояла из трех частей: «Топракова города», или «Топракалова» (Топрак-кала — Земляной город); «Ташкола», или «Ташкалова» (Таш-кала — Каменный город);²⁸ собственно Азова. Все три «города» были каменные. Согласно статейному списку дворянина Степана Чирикова, привезшего в 1637 г. на Дон государево жалование и приглашенного после взятия казаками Азова для осмотра его укреплений, оборонительные сооружения последнего были не очень мощны. Так, «город верхней Ташкол», который казаки взяли с помощью взрыва подкопа, и прочие укрепления были, согласно документу, «не кирпичные — камень самород кладен и смазан глиною и белою глиною». «А город некрепок, — сообщал далее С. Чириков, — тонок, зубцов по стенам нет, и боев сверху и нижних из города нет же, потому что избы татарские приделаны к городской стене. А обламов по городу нет: ходят по городу (стенам. — О. К.) по деревянным кладем. А наряду по башням и на татарских избах, которые избы выше городской стены, много. А иной наряд без станков.

²⁶ Речь идет о казачьих набегах под Азов и на Крымскую степь, по которой до взятия казаками Азова кочевали татарские улусы (прежде всего, кочевья Большой Ногайской орды).

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола. № 152. Л. 5.

²⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 287 и примеч. 97.

А наряд небольшой».²⁹ Перед осадой Азова, в 1636 г., казачья артиллерия, располагавшаяся в Монастырском, Черкасском и Маньичском городках, насчитывала 90 пушек, в основном, малого калибра (от 6 гривенок до полугривенки ядро),³⁰ в Азове было захвачено до двухсот орудий. Всего в Азове перед осадой было около трехсот пушек.³¹

В ближайшее время после овладения городом казаками был спешно заделан пролом в стене Ташкалова города — специально для этого были наняты греки-каменщики.³² Позднее казаки возводят по стенам обламы, устраивают нижние бои для пушек;³³ упоминаются в документах также «средние» и верхние бои.³⁴ Непрочность укреплений Азова, однако, время от времени давала себя знать — город «портился часто», обваливались стены, причем не всегда можно было сразу подыскать мастеров — «горододельцов». Башни оставались непокрытыми еще в конце 1639 г., тогда же у казаков попортились обламы и мосты по башням.³⁵ Но это были, впрочем, устранимые недостатки, быть может, несколько преувеличенные в отписках в Москву. Учитывая энергию казаков, не приходится сомневаться, что к лету 1641 г. Азов был укреплен, насколько это было возможно в принципе. Так, в документальных источниках периода обороны города встречаются упоминания о зубцах на стенах и башнях, которых первоначально не было.

Относительно расположения укреплений Азова, к сожалению, мало что можно сказать. Азов находился на левой стороне реки Дон. Наиболее слабой частью укреплений был, по-видимому, Топраков город (судя по тому, что он был захвачен турками). В литературе, правда, принято считать (об этом, в частности, пишет Н. А. Мининков), что данный пригород Азова был оставлен казаками «за безлюдством» в начале осады,³⁶ однако это, как увидим далее, не так.

Интереснейшие сведения, фиксирующие ситуацию в Азове (в том числе, экономическую) на весну 1640 г., а также данные о расположении азовских укреплений этого времени были изложены в одной из отписок с Дона князя Михаила Белосельского и подьячего Ивана Ха-

ненева. В начале 1640 г. они были отправлены из Москвы в качестве посланников к мурзам перешедших из крымского подданства на Дон улусов Большой Ногайской орды (последняя кочевала первое время под Азовом) и некоторое время жили у казаков. В статейном списке упомянутых лиц, поданном ими в Посольский приказ по возвращении в Москву, говорится: «А что они (князь М. Белосельский и подьячий И. Ханенев. — О. К.) каких вестей проведали, живучи в Азове, и каков город Азов, и по смете сколь он велик, и что в казне зелья и свинцу, и всяких пушечных и хлебных запасов, и князь Михаил и подьячий Иван ко государю о том писали, и *тому всему роспись, и городу чертеж* послали с козлитинном с Иваном Щербачевым <...> апреля в 19 день (1640 г. — О. К.)».³⁷ Практически все отписки в Москву князя М. Белосельского и подьячего И. Ханенева в деле об их поездке в Большую Ногайскую орду в настоящее время имеются, кроме данной. Было бы интересно ознакомиться также с планом Азова, но наша попытка разыскать в РГАДА чертеж успехом, к сожалению, не увенчалась.³⁸

Наконец, о численности противостоящих сторон. Количество людей с турецко-татарской стороны плохо поддается определению. В казачьей войсковой отписке, отправленной в Москву вскоре после отхода вражеских войск из-под Азова, приводится цифра в 240 тысяч человек.³⁹ В числе осаждавших, согласно отписке, были, помимо турок, татары из Крыма, а также из Большой и Малой Ногайских орд. Кроме того, упоминаются «воинские люди» из «Буданской», «Мутьянской», «Арапской» земель, из Валахии и даже Франции.⁴⁰ Поэтическая повесть добавляет к этому списку греков, сербов, арнаутов (албанцев) и др. Общую численность осаждающей стороны данная Повесть определяет в 256 тысяч человек (причем это — не считая «черных мужиков», т. е. нератных людей), а по ходу повествования в некоторых случаях говорит о 300-тысячных силах неприятеля.⁴¹ Документальная повесть сообщает о двухстах тысячах человек «всяких

³⁷ РГАДА. Ф. 127. 1639 г. № 13. Л. 294—295. Здесь и далее курсив наш.

³⁸ Вероятно, именно этот чертеж был взят 4 апреля 1641 г. из Посольского приказа «вверх» (к царю), после чего сведений о нем больше не имеем (Донские дела. Кн. 2. Стб. 85. Примеч. 3).

³⁹ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 3. Согласно казачьей войсковой отписке, это число назвали захваченные казаками «языки» из турецко-татарского лагеря; на такое количество людей, по словам упомянутых «языков», под Азовом выдавалось жалование.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 2—3. «Буданы» — вероятно, мадьяры; «мутьяне» — жители Молдавии. См.: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949 (Далее — Воинские повести, 1949). С. 318. Примеч. 34, 37.

⁴¹ Воинские повести Древней Руси. Л., 1985 (Далее — Воинские повести, 1985). С. 431.

²⁹ РГАДА. Ф. 89. 1637 г. № 1. Л. 358—359. См. также: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 287.

³⁰ РГАДА. Ф. 89. 1637 г. № 1. Л. 51, 55—56 (Распросные речи в Посольском приказе атамана И. Каторжного с казаками).

³¹ Донские дела. Кн. 1. Стб. 642, 661.

³² Там же. Стб. 640.

³³ Там же. Стб. 661. См. также: Донские дела. Кн. 2. Стб. 160.

³⁴ Донские дела. Кн. 2. Стб. 160.

³⁵ РГАДА. Ф. 127. 1639 г. № 12. Л. 124 (Войсковая отписка донских казаков в Москву от 23 ноября 1639 г.); Донские дела. Кн. 1. Стб. 981.

³⁶ Мишиков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 387.

воинских людей розных земель», подчиненных непосредственно турецким пашам, а также о сорока тысячах татар и десяти тысячах горских черкас, т. е. в целом о 250-ти тысячах. Она же уточняет состав присутствовавших в турецком войске европейских военных специалистов. Это были «немецкие люди городоимцы и приступные вымышленники» — испанцы («шпанцы»), итальянцы («италияне»), французы («френчужане»), венецианцы («венецеяне»), которые специализировались на осаде городов. Они, по словам Документальной повести, умели делать «всякие приступные подкопы и иные мудрости, и ядра огненные чиненые». ⁴²

А. А. Новосельский, справедливо, на наш взгляд, усомнившись в достоверности данных цифр, сделал попытку уточнить их. Согласно его мнению, численность войск, которые могли бы принять участие в осаде Азова, определяется в 70—80 тысяч человек (включая 40 тысяч татар). ⁴³ По словам исследователя, сообщения «русских разведчиков, посылавшихся под Азов из Астрахани и живших в турецких и татарских таборах, <...> ни разу не называют столь огромной цифры турецких и других войск». Речь здесь идет об астраханских стрельцах — новокрещенах из татар К. Петрове и И. Новокрещене. А. А. Новосельский ссылается на показания одного из них, который слышал от татар, что турок пеших и конных было всего несколько более 30 тысяч человек. Ссылку на источник автор при этом не дает. ⁴⁴

Возможно, что А. А. Новосельский имеет в виду последнюю строку л. 236 из дела № 1 за 1641 г. фонда № 127 РГАДА (это расспросные речи в Астрахани И. Новокрещена), на настоящий момент утраченную в связи с обрывом нижнего края листа. Однако, если это и так, то на том же листе данного документа видим общую численность крымских и ногайских татар — «з дву 40 000», т. е. 80 тысяч человек. Ту же цифру приводит и Кузьма Петров. ⁴⁵ Таким образом, с учетом данной информации, уже количество одних только татар достигает общей численности турецко-татарских войск, указанной А. А. Новосельским. Правда, серьезного участия в боевых действиях татары не принимали, стоя в степи в трех верстах от города. ⁴⁶

⁴² Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906. С. 85. Об иностранных силах, а также «немецких» военных специалистах в турецко-татарском войске под Азовом см. также: Воинские повести, 1985. С. 431.

⁴³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 286.

⁴⁴ Там же. С. 286.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 210, 236 (Из показаний К. Петрова и И. Новокрещена).

⁴⁶ Там же. Л. 211, 237 (Из показаний К. Петрова и И. Новокрещена). См. также: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 289.

Другой аргумент исследователя — это данные рассказа об азовском осадном сидении, помещенного в «Летописи о многих мятежах» и написанного на основе Документальной повести. В указанном сообщении говорится, что под Азов пришло с турецкими пашами 20 тысяч турок (вместе с вассальными отрядами) и 40 тысяч крымских татар. Однако отрывок с сообщением о 20 тысячах турок и «розных земель людей» четко соответствует месту из Документальной повести, где говорится о 200 тысячах осаждавших. ⁴⁷ В данном издании вместо указанного числа стоит неверное — 20 тысяч; последнее представляет собой явную опечатку. При этом несколько далее, после перечисления народов, представители которых приняли участие в походе на стороне турок, в данной летописи видим знакомую цифру: «...и всего 250.000» (включая, согласно Повести, также 40 тысяч татар и 10 тысяч черкас из горцев). ⁴⁸ Таким образом, цифра А. А. Новосельского в 70—80 тысяч осаждающих кажется нам неоправданно заниженной.

Приведенные выше цифры позволяют, на наш взгляд, сделать следующий вывод: численность подошедшего под Азов турецко-татарского войска была очень велика. Данное обстоятельство постоянно подчеркивается и в Поэтической повести. В частности, в ней говорится, что от огромного числа неприятельских войск земля под Азовом прогнулась и река Дон вышла из берегов. Интересно и такое замечание автора: «никак непостижимо <...> в нашем возрасте того было [и] услышати, не токмо что такую рать великую и страшную <...> очима кому видети». ⁴⁹

Более определенные сведения имеются о численности казачьей стороны. Атаман Беляй Лукьянов с казаками, отправленные с войсковой отпиской в Москву вскоре после прихода турок и татар к Азову, определяли численность защитников последнего в 5—6 тысяч человек (включая около тысячи запорожских казаков). ⁵⁰ Атаман Роман Родионов с казаками, отправленные тогда же в Астрахань, показывали во время расспроса в этом городе, что в осажденном Азове находится около трех тысяч казаков ⁵¹ — цифра, по-видимому, созна-

⁴⁷ См.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 85.

⁴⁸ Летопись о многих мятежах. СПб., 1771. С. 371. Поэтическая повесть об азовском осадном сидении также говорит о 40 тысячах татар. См.: Воинские повести, 1985. С. 431.

⁴⁹ Воинские повести, 1985. С. 431, 432. Союз «и» добавлен по смыслу; «...в нашем возрасте», т. е., вероятно, основываясь на жизненном опыте людей данного поколения. Общий смысл фразы следующий: о такой великой и страшной рати невозможно было в наше время даже услышать, не то что очами ее узреть.

⁵⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 219; РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 57.

⁵¹ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 34—35.

тельно занижена. Согласно тексту Поэтической повести, опубликованному в издании 1949 г., всего в осаде находилось 5307 казаков;⁵² по списку Повести, опубликованному в 1985 г., казаков в начале обороны насчитывалось 7590.⁵³ Документальная повесть сообщает о 5367 казаках,⁵⁴ причем ее данные А. Н. Робинсон почему-то принимает за официальные.⁵⁵ По-видимому, число в пять—шесть тысяч наиболее приемлемо, но следует учитывать и тот факт, что какое-то количество казаков (думается, впрочем, что едва ли очень значительное) прибыло на помощь к «азовским сидельцам» уже в ходе осады.⁵⁶

Перейдем к рассмотрению источников, касающихся непосредственно хода азовского осадного сидения 1641 г. Думается, их следует разделить на две группы: 1) нарративные; 2) документальные источники. К первой группе относятся Поэтическая и Документальная повести об азовском осадном сидении,⁵⁷ а также рассказ о нем из труда «Книга путешествия» Эвлии Челеби, известного турецкого путешественника и свидетеля осады турками Азова. Вторую группу составляют в основном отписки воевод (прежде всего, астраханских) с приведением расспросных речей людей, побывавших на Дону в интересующее нас время.

Рассмотрим источники первой группы. Поэтическая повесть об азовском осадном сидении, согласно утвердившемуся в литературе мнению, происходит из казачьей среды и была написана по горячим следам очевидцем событий.⁵⁸ По мнению исследователя Повести А. Н. Робинсона (а также его предшественника Н. И. Сутта), она бы-

⁵² Воинские повести, 1949. С. 80.

⁵³ Воинские повести, 1985. С. 435. В тексте данного издания одновременно приводится также число в 7367 казаков, севших в Азове в осаду (Там же. С. 447).

⁵⁴ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 89.

⁵⁵ В частности, А. Н. Робинсон, автор сопроводительной статьи и комментариев к Поэтической повести, опубликованной в издании «Воинские повести Древней Руси» (М.; Л., 1949), в примеч. 40 на с. 318 пишет: «По официальным данным, казачий гарнизон Азова составлял 5367 человек». Источник данной информации А. Н. Робинсон не называет; между тем, данное число взято из Документальной повести об обороне Азова, в упомянутом издании не публиковавшейся. Как представляется, принимать цифру за точную или «официальную», если она взята из литературного источника, без специальных оговорок по этому поводу не совсем корректно.

⁵⁶ Как видно из свидетельств турецкого автора Эвлии Челеби, казаки из городков помогали осажденным в Азове как людьми, так и оружием; последнее отправляли вниз по течению Дона в бурдюках (правда, часть его, согласно этому автору, была перехвачена турками). См.: Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 32.

⁵⁷ Оба названия даны исследователем этих повестей А. С. Орловым.

⁵⁸ Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и азовском осадном сидении // Воинские повести, 1949. С. 175—176.

ла написана в Москве в период с октября 1641 г. по апрель 1642 г. Это было время пребывания в Москве донской казачьей станицы во главе с атаманом Наумом Васильевым, присланной из Азова с войсковой отпиской вскоре после окончания осады. Или, в более узких рамках — предположительно, в январе 1642 г., во время созыва Земского собора, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе города. Автором Повести с большой долей вероятности можно считать войскового дьяка донских казаков Федора Иванова (Порошина), на момент написания Повести — есаула в станице атамана Наума Васильева и, безусловно, участника рассматриваемых событий.⁵⁹

В данной работе мы будем опираться на тексты двух изданий Поэтической повести — 1949 и 1985 гг.⁶⁰ В основу издания 1949 г. положен список ГБЛ, собр. Ундольского, № 794, о котором еще А. С. Орлов писал, что он ближе других стоит к прототипу.⁶¹ В то же время данный список имеет крупные дефекты — в нем утрачен ряд листов и конец Повести, которые в издании 1949 г. восполнены, в основном, по списку ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, № 135. В издании 1985 г. текст Поэтической повести публикуется по списку БАН 32.11.7. XVII в.⁶² Тексты обоих изданий имеют разночтения, из которых важнейшие по нашей тематике мы отметим. Основная часть ссылок будет дана на издание 1985 г. как более новое.

Необходимо сказать, что основная часть Поэтической повести посвящена не столько событиям осады, сколько политическим проблемам. Около половины произведения отводится переговорам казаков с турками, в которых освещаются не столько сами переговоры, сколько мысли автора о донских казаках в целом и их роли в борьбе Русского государства с «бусурманами» — турками и татарами. На прямое описание боевых действий в Повести отведено не более ¼ произведения. Тем не менее ее рассказ довольно обстоятелен и относительно подробен.

Ход борьбы за Азов, в соответствии с данными Поэтической повести, можно предварительно разделить на несколько этапов. Пер-

⁵⁹ Робинсон А. Н. Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1948. С. 65—71. См. также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 3. П.—С. СПб., 1998. С. 67. Время написания Повести (в «широких рамках») А. Н. Робинсон определяет с 28 октября (прибытие станицы Н. Васильева в Москву) по 27 апреля, когда «у бояр» в Золотой палате казакам станицы Н. Васильева было объявлено о решении вернуть Азов турецкой стороне.

⁶⁰ См.: Воинские повести, 1949; Воинские повести, 1985.

⁶¹ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 92, 124.

⁶² Этот же список опубликован также в издании: ПЛДР. XVII в. Кн. 1. М., 1988.

вый, начальный, этап охватывает следующие события: первый приступ турецкой стороны к городу и после его неудачи возведение турками в несколько дней «великого земляного вала», или, как поясняет автор Повести, «земляной горы высокой», которая была выше азовских укреплений. Затем последовали казачья вылазка к этому валу и подрыв его казаками с помощью подведенных под него подкопов. В целом, первый этап охватывает события начала осады, которые закончились для турецкой стороны поражением и чувствительными потерями.

Ко второму, основному, этапу относятся следующие эпизоды: возведение турками нового, еще большего земляного вала и не менее чем 16-суточный обстрел с него Азова из тяжелых стенобитных орудий, в ходе которого, согласно автору, были разрушены укрепления города — стены, башни, а также каменные строения («палаты») до самого основания («по подошву»). К данному же этапу принадлежат последовавшие чуть позже подкопные мероприятия турецкой стороны и подкопная («земляная») война, развернутая казаками.

Третий, заключительный, этап включает в себя попытку турок взять казаков измором в ходе двухнедельного непрерывного штурма, проводившегося турецкими силами посменно. Следует подчеркнуть, что никаких хронологических привязок, кроме дат начала и окончания «осадного сидения» (24 июня—26 сентября 1641 г.), по отношению к отдельным событиям или этапам обороны в Поэтической повести нет.

Характеризуя в целом описание вооруженной борьбы за Азов в Поэтической повести, следует отметить весьма общее описание событий осады, небольшое число подробностей, которые, однако, заменяются устрашающими образами происходящего, нагнетанием напряжения у читателя. Эти образы зачастую заменяют, и весьма успешно, конкретные реалии боевых действий. Например: «...лише огонь да гром от стрельбы стоял, огонь да дым топился до небеси», «как то есть стояла страшная гроза небесная <...> гром страшный с молнием», «побито турецкие силы от нас многия тысящи» и т. д. Или еще один пример. Всего, согласно Повести, в день первого штурма крепости было убито одних только янычар («янычаней») «дватцать полтретьи тысящи» (22 500 человек), причем это — «окроме раненых», число которых, в принципе, должно было превосходить данную цифру.

Цель подобных высказываний, безусловно, одна — показать беспрецедентный характер боев, что должно было подчеркнуть беззаветную службу казаков православной вере и великому государю. Однако как число турок, так и их потери в Поэтической повести преувеличены, причем многократно. С одной стороны, данное пре-

увеличение вполне естественно для литературного произведения. Но, с другой стороны, неизбежно возникает вопрос: нет ли в Повести определенного преувеличения при описании накала и жесточести боевых действий и насколько можно доверять сообщениям Повести в целом? Здесь и появляется необходимость комплексного анализа данных по азовской обороне 1641 г., выявления тех ее подробностей, которые могут нам дать документальные источники. Вопросы такого рода, как уже отмечалось, в историографии азовского осадного сидения не ставились.

Перейдем к Документальной повести об Азове. Как сказано в ее заглавии, Повесть представляет собой список с расспросных речей казаков в Москве «слово в слово». Прежде всего, отметим, что в этой Повести, в отличие от Поэтической, приход осаждающих под крепость датируется 24-м июля (вместо 24 июня). По мнению А. Н. Робинсона, Документальная повесть является литературным переложением упомянутых расспросных речей казаков в Посольском приказе.⁶³ Данное произведение намного короче Поэтической повести и содержит сухой и краткий рассказ об обороне казаками Азова. При этом отчасти теряются подробности событий. Так, совсем кратко дается в Повести описание первого приступа, обстрелов города турками, отсутствует сюжет о круглосуточном штурме крепости в конце осады. В то же время Документальная повесть обнаруживает, как отмечает А. Н. Робинсон, ряд текстуальных совпадений с Поэтической и передает, в основном, те же факты, что и последняя. По мнению исследователя, обе Повести восходят к очень близким между собой источникам, причем эти источники были органически связаны с казачьей средой, с письменной традицией канцелярии Войска Донского.⁶⁴

Однако надо отметить, что, несмотря на свою краткость, Документальная повесть дает, по сравнению с Поэтической, некоторые новые факты. В частности, касаясь событий дня первого приступа к Азову, ее автор отмечает, что в этот день турки «приступали к городу двожды». Документальная повесть, в отличие от Поэтической, сообщая, что казачьи подкопы во время первого приступа обвалились от веса множества турецких воинов, говорит, что казаки эти подкопы «запалили» (т. е. зажгли в них порох, подорвали), и это выглядит, на наш взгляд, более правдоподобно. Далее Документальная повесть сообщает, как и Поэтическая, о возведении турками земляно-

⁶³ См.: Робинсон А. Н. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Уч. зап. МГУ. Вып. 118. М., 1946. С. 46.

⁶⁴ Там же. С. 44—46.

го вала высотой в семь сажень и 16-дневном обстреле с него «день и ночь» казачьих укреплений, разрушивших «все» городские стены и башни. Затем в Документальной повести говорится о подводе казаками под земляной вал двух подкопов, о взрыве которых, впрочем, не сообщается (видимо, это подразумевается само собой). В конце Повести говорится о потерях казаков — «болши трех тысяч человек». ⁶⁵ Последнее известие особенно ценно, так как цифра казачьих потерь в ходе обороны Азова больше не фигурирует нигде.

Книга турецкого путешественника Эвлии Челеби, являвшегося очевидцем осады турками Азова, содержит относительно подробный рассказ об этом событии. Несколько слов о самом произведении. «Книга путешествия» Эвлии Челеби представляет собой географический труд с обильным материалом по географии, этнографии и т. п. Основную часть труда составляет довольно подробный дневник, который автор вел во время путешествий; дневник этот содержит детальное описание маршрута и событий, разворачивавшихся на глазах у Эвлии. Части работы, содержащие в себе подобные записи, являются наиболее ценными в сочинении турецкого путешественника. Вместе с тем, Эвлия Челеби помещает в свой труд без всякой критики предания, легенды, может рассказывать о событиях, о которых он знал только понаслышке. Нередко автор обращался также к домыслам и весьма вольным воспоминаниям. ⁶⁶ В результате, согласно мнению авторов предисловия к 1-му выпуску извлечений из «Книги путешествия» на русском языке, данный труд включает в себе значительный элемент явного вымысла. ⁶⁷ Но обратимся к рассказу Эвлии об азовских событиях 1641 г.

В отличие от русских повестей об обороне Азова, рассказ турецкого автора представляет собой, скорее, ряд отдельных наблюдений и зарисовок (часто очень ярких) о ходе борьбы. Повествование Эвлии не всегда последовательно, события освещаются весьма избирательно, причем интересно, что автор не обращает внимания на те моменты, которые для автора (или авторов) русских повестей об обороне Азова представляются основными — в частности, на события, связанные с возведением турецкой стороной земляных валов. Имеются в рассказе Эвлии Челеби преувеличения и небылицы. Например, говоря о подходе по Дону в начале осады подкрепления к казакам, автор определяет число последнего в 10 тысяч человек. Это, безуслов-

⁶⁵ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 85—89.

⁶⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1. М., 1961. С. 10—11.

⁶⁷ Там же. С. 5.

но, очень сильное преувеличение. Рассказывая о подкопах, Эвлия сообщает, что казаки «даже показали мастерство проведения подкопов под водой реки Дон, используя для этого просмоленные, облитые варом лодки». ⁶⁸ Наконец, чтобы сгладить у читателя впечатление от неудачи турок под Азовом, Эвлия Челеби рассказывает о походе крымского хана Бехадыр-Гирея с семидесятитысячным войском, отправленным из-под Азова «на разграбление страны московского короля до самой его столицы». Татарское войско якобы вернулось на четырнадцатый день, приведя сорок пять тысяч пленных и привезя «несчетное число» иной добычи. ⁶⁹ Конечно, рейды татар из-под Азова на русские окраины имели место, но это были лишь мелкие набеги, часто с разведывательными целями. ⁷⁰ Таким образом, не всегда можно доверять рассказу Эвлии, однако его свидетельства порой очень и очень интересны. Сам турецкий автор во время рассматриваемых событий состоял в свите командующего турецкими войсками Хуссейн-паши в качестве муэдзина.

Как уже было сказано, вторую группу источников по азовской обороне 1641 г. составляют источники документальные. Заметим, что последние от нарративного материала отличаются не только происхождением, но и степенью охвата интересующих нас событий. Так, если для нарративных источников характерно описание хода осады в целом, рассказ о ней, то источникам документальным свойственны отрывочность содержащихся в них сведений, освещение, как правило, лишь одного или нескольких событий азовской обороны. И только один документ стоит особняком, сообщая о ходе азовского осадного сидения в целом.

Речь идет о сделанной в Посольском приказе «выписке» из войсковой отписки донских казаков, отправленной из Азова в Москву вскоре после отступления турок. Отписка была доставлена донскими станичниками в Москву 28 октября, а отправлена с Дона, следовательно, в последних числах сентября или первых числах октября 1641 г. ⁷¹ Насколько можно судить, упомянутая выписка представляет

⁶⁸ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 32.

⁶⁹ Там же. С. 34.

⁷⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 288—289.

⁷¹ Время доставки в Москву казачьей станицей (обычно до 10—15 человек) войсковой отписки с Дона составляло в среднем примерно до трех недель. А при таком составе, как в станице Н. Васильева (26 человек), путь мог занять и месяц. (О численности станицы Н. Васильева см.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 253.) Станицы с подобной численностью присылались, когда речь шла о важных делах или крупных победах казаков; в данном случае казаки прибыли в Москву «с вестью» об успешном окончании азовского осадного сидения.

собой почти дословный пересказ войсковой отписки. Подлинник самой отписки (как и подлинник расспросных речей привезших ее казаков) в настоящее время не найден, упомянутая же выписка отложилась в деле № 1 за 1642 г. ф. № 89 РГАДА.⁷²

В изложении последовательности событий осады казачья отписка вступает в резкое противоречие с Поэтической и Документальной повестями. Согласно упомянутой выписке, в войсковой отписке казаков говорилось, что 7 июня 1641 г. под Азов подошли турецкие паши и крымский «царь» (хан) с большими силами, обступив Азов «накрепко» со всех сторон. Далее приводим выдержку из пересказа отписки: «А пушек де стенопробитных привезено было к городу 100 пушек. <...> А бои у них с ними были великие. А били де они (турки. — О. К.) <...> великим боем безпрестанно два месяца, день и ночь. И как де градные стены по подошву збили, и учали де земляные валы валить...». Далее в отписке говорится о казачьих подкопах под турецкие пушки и земляной вал, и чуть ранее — о «многих вылазках» казаков против неприятеля. Затем идут очень краткие подробности боев (о них см. ниже), и следуют итоговые фразы рассказа об обороне Азова: «А сидели де они (казаки. — О. К.) июня с 7-го числа 149-го году, да сентября по 26 число 150-го году. А отсиделись от них (турок. — О. К.) в четвертом земляном городе и в земляных избах с великою нужею и терпеньем».⁷³

Как видим, в казачьей отписке говорилось о том, что первоначально турки два месяца обстреливали крепость, и только потом приступили к сооружению валов. Кто же дает верную картину азовского сидения донских казаков: Поэтическая и Документальная повести или донская войсковая отписка от конца сентября—начала октября 1641 г. (к последней примыкает и традиционный взгляд историографии)? Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой достоверности сообщений Поэтической (а вместе с ней и Документальной) повестей. Повторимся: ответ возможен лишь на основе анализа документального материала.

Обратимся к прочим документальным источникам. За исключением упомянутой выписки, их следует, на наш взгляд, разделить на несколько частей: а) документы о начале осады, б) основная часть, в) материалы, связанные с концом осады.

⁷² Пересказ войсковой отписки находится в деле о Земском соборе 1642 г. На обложке данного архивного дела стоит помета, что дело целиком опубликовано в издании «Собрание государственных грамот и договоров» (Ч. 3/М., 1822. № 113). Однако упомянутый документ (с которого начинается дело) в указанном издании отсутствует и для современных историков остался неизвестным.

⁷³ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 1—5.

Документы о начале борьбы за Азов выделены нами в отдельную часть в связи с тем, что они и по времени появления, и по содержанию довольно сильно отличаются от других документальных материалов. Зафиксированная в них информация исходит либо от самих казаков, либо от иных очевидцев событий. В документах № 1—3 четко говорится как о времени прихода турок под Азов, так и об изначально планировавшихся казаками мерах по обороне города. Документ № 4, формально будучи отпиской астраханских воевод в Москву, сообщает о том же на основе войсковой отписки донских казаков в Астрахань и расспросных речей привезших ее донских станичников. Документы № 5—6 дают материал для реконструкции некоторых событий начала обороны города. Помимо того, в них ярко отразились настроения на Дону в первые дни осады Азова.

О начале обороны Азова сообщают следующие документы: 1) Войсковая отписка донских казаков в Москву от 24 июня 1641 г.; 2) Расспросные речи на Валуйках (от 3 июля 1641 г.) атамана Беляя Лукьянова и казаков его станицы, везших эту отписку в Москву; 3) Их же расспросные речи в Москве; 4) Отписка в Москву астраханских воевод о прибытии 5 июля 1641 г. в Астрахань из Азова с войсковой отпиской станицы донских казаков во главе с атаманом Романом Родионовым; 5) Расспросные речи (от 14 июля 1641 г.) на Валуйках станичников из этого города С. Князева и С. Пригарина, посланных в канун прихода турок под Азов с государевой грамотой к Войску; 6) Их же расспросные речи в Москве.

К основной части документальных источников об обороне казаками Азова относятся, в основном, показания очевидцев из русского и турецко-татарского лагеря. Но, в отличие от документов предшествующей части, некоторые из этих источников фиксируют данные показания лишь после того, как они прошли через вторые и даже третьи руки (см. док. № 7—9). Возможно также, что в случае с документом № 8 мы имеем, ко всему прочему, не показания очевидца, а молву, ходившую в лагере осаждавших — прежде всего, у татар. И тем не менее первые два документа (№ 7, 8) позволяют, на наш взгляд, проверить показания Поэтической и Документальной повестей о ходе и характере боевых действий под городом в первые пять недель его обороны (конец июня—июль). Самого пристального внимания заслуживают расспросные речи в Астрахани и Москве новокрещенных татар Кузьмы Петрова и Ивана Новокрещена (№ 11—13), побывавших во время осады в турецко-татарском лагере. Документы данной части расположены в соответствии с очередностью по времени прибытия носителя информации в место фиксации последней (прежде всего, в Астрахань). В некоторых случаях время приезда с Дона позволяет

проследить нижние хронологические рубежи по отношению к некоторым событиям осады (датировка расспросных речей, как правило, соответствует времени прибытия носителя информации на место).

Итак, основная часть источников 2-й группы состоит из следующих документов (продолжаем нумерацию предыдущей части): 7) Отписка в Москву воеводы г. Валук от 29 августа 1641 г. с приведением расспросных речей приехавших с Дона белгородца Е. Еремеева и «черкашенина» Г. Герасимова о положении дел в Азове; 8) Расспросные речи в Астрахани от 30 августа группы астраханских конных стрельцов во главе с Иваном Ильиным и группы едисанских татар (всего 15 человек), посылавшихся из Астрахани в казачьи городки с целью «проведывания вестей»; 9) Расспросные речи в Астрахани от 13 сентября сына боярского Ивана Острикова («Вострикова») и толмача Андрея Юдина, отправленных в начале августа с грамотой от астраханских воевод и призывом возвращаться обратно в откочевавшие из-под этого города к Азову ногайские улусы;⁷⁴ одной из задач И. Острикова и А. Юдина было проведать «всяких вестей», включая положение дел под Азовом; 10) Расспросные речи от 17 сентября в Астрахани о положении дел на Дону едисанских татар Мулкомана Самарова с товарищами (всего 4 человека), вернувшихся из казачьих городков и ездивших туда «для жон их и детей», по-видимому, с целью возвращения последних из казачьего плена;⁷⁵ 11) Расспросные речи в Астрахани астраханского конного стрельца — новокрещена из татар Кузьмы Петрова, побывавшего во время боев под азовскими стенами в турецко-татарском лагере;⁷⁶ 12) Расспросные речи К. Петрова же в Москве, куда он был прислан с отписками астраханских воевод; 13) Расспросные речи в Астрахани Ивана Иванова Новокрещена, также астраханского конного стрельца, отправленного из Астрахани под Азов «в турецкие и крымские полки в лазутчиках».⁷⁷ Почти все расспросные речи (кроме док. № 7 и 12) находятся в отписках астраханских воевод в Москву и являются (за исключением док. № 7) неопубликованными.

⁷⁴ Речь идет об улусах Салтанаш-мурзы Аксакова, а также улусах Чубармамбет-мурзы Тинмамстева и «Сары-Исуповых детей», в частности — Навруз-мурзы.

⁷⁵ Последние могли быть захвачены донскими «воровскими казаками» в низовьях Волги.

⁷⁶ В работах А. А. Новосельского и Н. А. Мининкова Кузьма Петров ошибочно назван Кузьмой Федоровым. См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 286—287; Миников Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 386.

⁷⁷ Как К. Петров, так и И. Новокрещен сумели появиться в Астрахани лишь во второй половине октября.

К документам последней, третьей, части источников второй группы, подводящих своеобразный итог событиям азовского осадного сидения, относится приказная документация, возникшая уже значительно позже завершения обороны Азова казаками. Это: 14) Государева грамота на Дон от 2 декабря 1641 г., отчасти передающая содержание войсковой отписки донских казаков в Москву от конца сентября—начала октября 1641 г.;⁷⁸ 15) Выписка из дела об отправлении на Дон (в декабре 1641 г.) с государевым жалованием и заданием составить чертеж азовских укреплений дворянина Афанасия Желябужского и подьячего Арефы Башмакова; содержит также часть упомянутой войсковой отписки.

Переходим к анализу источников второй группы. Рассмотрение материалов о начале осады неизбежно связано с вопросом, какого числа турки и татары пришли под Азов, но прежде посмотрим, какую информацию по этому поводу дает Поэтическая повесть. В последней говорится, что турки и татары подошли к Азову 24 июня, в первой половине дня («в ранней самой обед»).⁷⁹ Вечером того же дня, согласно данному источнику, между казаками и турками прошли переговоры, столь ярко и красочно представленные автором Повести. А уже на следующий день с утра (т. е. 25 июня) состоялся первый приступ к крепости всеми силами осаждающих, к которому, по сообщению Поэтической повести, турки готовились всю ночь с 24 на 25 число («...разбирались оне в полках своих и строилися»)⁸⁰ Надо сказать, что начало осады Азова представлено в Поэтической повести хоть и кратко, но довольно логично и емко, однако эти сведения не находят подтверждения в документальных материалах.

Точную, без всяких сомнений, дату начала осады Азова дает нам войсковая отписка донских казаков, отправленная в Москву с атаманом Беляем Лукьяновым и казаками его станицы в самом начале борьбы за крепость. Документ сообщает, что 24 июня город был обложен крымцами, турками «и иных земель людьми» во главе с крымским «царем». Важнейший момент отписки следующий. Казаки обещают «за <...> православную веру и за святые божии церкви, и за <...> праведнаго государя» против недруга «стояти крепко и воору-

⁷⁸ Пересказ данной войсковой отписки сохранился, как видим, также в государственной грамоте из Москвы на Дон от 2 декабря 1641 г. опубликованной в издании «Донские дела». В случаях, когда интересующая нас информация будет иметься и в упоминавшейся выше неопубликованной выписке, и в грамоте на Дон от 2 декабря, цитироваться будет второй, опубликованный, документ.

⁷⁹ Воинские повести, 1985. С. 431. Согласно изданию 1949 г., турецко-татарское войско пришло под город «в первом часу дни» (Воинские повести, 1949. С. 61).

⁸⁰ Воинские повести, 1985. С. 439.

жаться», сколь «милосердый Владыка Христос помощи подаст». В целом, отписка, писавшаяся, по-видимому, наскоро, довольно коротка. Согласно содержанию документа, он был отправлен в Москву из Азова со станицей Беляя Лукьянова в день прихода «бусурман» под город (т. е. 24 июня). Тогда же открылись и военные действия под городом: в конце отписки лаконично говорится, что в этот день у казаков с подошедшим под Азов неприятелем «бои <...> были великие».⁸¹ Еще одна войсковая отписка тогда же была отправлена из Азова со станицей во главе с атаманом Романом Родионовым в Астрахань. Сведения о приезде казаков в этот город находим в одной из воеводских отписок из Астрахани в Москву примерно от этого же времени. Как писали астраханские воеводы, в казачьей отписке сообщалось о приходе 24 июня под Азов турок, крымцев, а также представителей «многих» иных земель; казаки просили астраханских воевод прислать к ним на помощь «государевых ратных людей». Таким образом, сведения двух войсковых отписок, фиксирующих данные о начале азовского осадного сидения, сходны. Временем прихода турок и татар под крепость они называют 24 июня.

Расспросные речи казаков, доставивших упомянутые отписки, значительно уточняют картину. Так, Б. Лукьянов с казаками показывали во время расспроса на Валуйках (от 3 июля 1641 г.), что 24 июня в 7-м часу дня к Азову подошли только крымские татары, которые и осадили город, а турки прибыли к устью Дона лишь 25 июня, малыми судами подойдя к Азову.⁸² В этот же день (25 июня), согласно расспросным речам в Москве Б. Лукьянова с казаками, состоялась вылазка казаков из города против «крымских людей», которую возглавил войсковой атаман Наум Васильев.⁸³ Сам Б. Лукьянов с казаками были отправлены из Азова 25 числа ночью.⁸⁴ Интересно, что станице Б. Лукьянова пришлось пробираться в темноте «сквозь крымские полки тайно», при этом один из казаков свалился вместе с конем в хлебную яму, один казак пропал без вести.⁸⁵

⁸¹ Дословно конец войсковой отписки звучит так: «А бои, государь, у нас с ними были великие в то число, как к нам они пришли, и того, государь, числа мы, холопи твои, послали с сею отпискою к тебе, праведному государю, к Москве» (Донские дела. Кн. 2. Стб. 217).

⁸² Отписка воеводы г. Валук (в рассматриваемое время таковым являлся Ф. И. Голенищев-Кутузов) в Москву о прибытии в этот город атамана Б. Лукьянова с казаками, отправленных из Азова с войсковой отпиской к Москве (Донские дела. Кн. 2. Стб. 213—214).

⁸³ Там же. Стб. 213—214 (Расспрос Б. Лукьянова с казаками его станицы в Москве состоялся 11 июля).

⁸⁴ Там же. Стб. 219.

⁸⁵ Там же. Стб. 219—220, 215.

Роман Родионов с казаками во время расспроса в Астрахани также сообщали некоторые подробности о ситуации под Азовом. Они, в частности, показывали, что татары пришли к городу 24 июня степью, турки же 25 июня, только подтягиваясь морем к устью Дона, стали за мелью на расстоянии менее чем в полдня пути от города. На берег они еще не вывозились и казаки даже отправили «на море для караулу» из Азова четыре струга, чтобы проследить, когда турки начнут высадку. Р. Родионов с казаками показывали также, что в этот день — 25 июня, уже ночью («в ночи») казаки сделали вылазку, отправив из Азова одновременно три станицы — в Москву, Астрахань и «к запорожским черкасом» (в Запорожье), из них две последние — с просьбой о присылке военной помощи.⁸⁶ По-видимому, речь здесь идет о той самой вылазке, которую возглавил войсковой атаман Наум Васильев. Из Астрахани Р. Родионов с казаками вскоре были отправлены обратно на Дон, им было сказано, что относительно присылки к казакам ратных людей нет государева указа, т. е. в просьбе было отказано.⁸⁷

Однако, сходясь в главном — сведениях о прибытии турецких сил к устью Дона только около 25 числа, упомянутые расспросные речи расходятся в передаче подробностей прибытия турок. Остается, в частности, неясно, когда все-таки турецкие силы подошли к Азову. Согласно расспросным речам атамана Романа Родионова с казаками, до отпуски из Азова упомянутых станиц турки еще даже не высаживались на берег. Но в расспросных речах атамана Беляя Лукьянова «с товарищи» на Валуйках и в Москве четко говорится, что после прибытия турок 25 числа к устью Дона их крупные суда («каторги») стали на взморье в восьми верстах от города, а «мелкие суда» прошли Доном к Азову, остановившись в трех верстах ниже последнего.⁸⁸ Таким образом, сообщения станиц Р. Родионова в Астрахани и Б. Лукьянова в Москве и на Валуйках по данному вопросу не сходятся. Возможно, у какой-то из станиц была неверная информация, либо что-то было напутано при расспросах. На наш взгляд, возможно также, что Р. Родионов с казаками имели в виду во время расспроса все-таки главные силы турок, а не малые суда.

⁸⁶ Дата вылазки в документе прямо не называется и получена нами следующим образом. Согласно расспросным речам Р. Родионова со станицей в Астрахани, казаки были отпущены из Азова «тому ныне 11-й день». В Астрахань станица прибыла 5 июля, этого же числа состоялся и расспрос казаков. Таким образом, днем «отпуска» было 25 число; то же следует из контекста обеих расспросных речей (РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 34—35).

⁸⁷ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 34—36.

⁸⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 214, 219.

Итак, на основе указанных документов видим развитие событий под Азовом 24—25 июня. Оно характеризуется приходом 24 числа под крепость крымской орды, и с ней, возможно, некоторых турецких войск из близлежащих областей. Главные же силы турок, согласно показаниям атамана Р. Родионова с казаками в Астрахани, даже на следующий день были еще только на подходе. Как видим, казачьи отписки в Москву и Астрахань, говоря о приходе под город неприятеля 24 июня, не фиксируют подробностей, которые отразились лишь в расспросных речах казаков, доставивших эти отписки. Таким образом, видим точную дату начала осады Азова в 1641 г. Последняя началась, как это и сказано в Поэтической повести, 24 июня. Однако решительные действия турецко-татарской стороной не были предприняты ни 24, ни 25 числа данного месяца. Отметим также, что даты начала осады в казачьей войсковой отписке от конца сентября — начала октября 1641 г. (7 июня) и в Документальной повести (24 июля) неверны. И если первая дата ошибочна как таковая, то вторая — 24 июля — является, судя по всему, результатом ошибки одного из переписчиков этой Повести.

Расспросные речи атамана Б. Лукьянова с казаками в Москве интересны также тем, что в них получили отражение планы и замыслы казачьей стороны относительно обороны города. Так, в расспросных речах говорится, что в ходе одной из вылазок казаков — возможно, уже 24-го июня, «в языках» был захвачен «турский мужик». Пленник в ходе допроса показал, что турки и крымцы хотят над Азовом «промышлять подкопами, и вал весть, и приступом с лесницами приступать». В связи с этим Б. Лукьянов со станицей показывали о планировавшихся казаками мерах по обороне города следующее.

В ответ на турецкие осадные мероприятия казаки, по словам Бедея Лукьянова с товарищами, собирались подводить под турецкий вал несколько подкопов, чтобы этот вал «розорвать» с помощью подземных взрывов, одновременно направив на это место пушки. Против подкопов неприятеля казаки намеревались делать «слухи» — по-видимому, специальные подземные ходы, либо же углубления в земле и «по рву ходить». Б. Лукьянов со станицей констатировали также, что в Азове скудно «хлебными запасами» и сообщали о замысле осажденных пополнять запасы продовольствия в ходе частых вылазок из крепости. Приступа с лестницами казаки не опасались: «приступом они (турки. — О. К.) города не возьмут», — уверенно говорили Б. Лукьянов с казаками. В тех же местах, где турецкая осадная артиллерия будет пробивать стены, казаки собирались ставить специальные срубы («избы»), набитые хрящем и землей (еще их именовали «тарасами»). О последнем сообщали в Астрахани и казаки станицы Р. Родионова,

отметив по данному поводу, что «стена каменная в Азове тонка». ⁸⁹ Таким образом, насколько можно судить, казаки достаточно уверенно чувствовали себя в начале осады. Их боевой дух был на высоте — по словам Б. Лукьянова с товарищами, осажденные в Азове собирались «сидеть крепко» и не сдавать город, «хоти всем до одного человека помереть». ⁹⁰ Надо отметить, впрочем, что действительность оказалась гораздо более суровой, чем она первоначально виделась казакам.

О времени начала решительных действий под Азовом с турецкой стороны сообщается в расспросных речах на Валуйках (от 14 июля 1641 г.) и в Москве (от 21 июля) служилых людей г. Валуек Севастьяна Князева и Степана Пригарина. Последние в середине июня 1641 г. были посланы из этого города к казакам в Азов с грамотой из Москвы, но когда С. Князев и С. Пригарин подошли к Азову, город оказался обложен турецко-крымским войском. Русские гонцы были замечены крымцами (из-за утреннего тумана они слишком близко подъехали к татарским шатрам) и во время бегства государеву грамоту «вкинули в воду» речки Темерник, т. е. уничтожили ее. В этот же день С. Князев и С. Пригарин прибыли в ближайший тогда к Азову Черкасский казачий городок.

Как показывали С. Князев и С. Пригарин во время расспросов, на другой день после прибытия их в Черкасский городок казаки «в последнем часу дни» отправили из этого городка С. Князева и донского казака Лёвку Лукьянова, умевшего говорить по-татарски, в небольшом судне под Азов — вероятно, с тем, чтобы попытаться проникнуть в город водным путем. Однако на пути к Азову С. Князев и Л. Лукьянов были подмечены с небольших турецких судов, стоявших по обе стороны Дона. Среди турок поднялась тревога, и С. Князев и Л. Лукьянов отошли вверх по Дону и укрылись в камышах, где простояли весь следующий день.

Согласно показаниям С. Князева и С. Пригарина в Москве, в этот день «за час до света» под Азовом началась ружейная стрельба — «учали бить из ружья из мелково» и били около двух часов. Затем стреляли из двух пушек и били «из мелково ружья» опять «часы з два ж», после чего стреляли из восьми пушек. ⁹¹ И, наконец, после этого «во весь день стрельба была из ружья и ис пушек с перемешкою». Дождавшись темноты, С. Князев и Л. Лукьянов вернулись в Черкас-

⁸⁹ РГАДА. Ф. 89. 1641 г. № 1. Л. 35.

⁹⁰ Донские дела. Кн. 2. Стб. 218—219.

⁹¹ Сообщение документа о стрельбе сначала из двух, а затем из восьми пушек не вполне ясно.

ский городок, а, опять-таки, на следующий день под Азовом «учали бить из большово наряду безпрестанно до полдень». Далее орудейный огонь велся «по вся дни статьями с перемежкой», причем казаки Черкасского городка говорили, что это бьет «турской наряд». Наконец, в десятый день пребывания гонцов на Дону под Азовом началась стрельба из «большого наряда» и «бой учал быть большой». «И учало де у них в городке (Черкасском. — О. К.) быть ужасно», — вспоминали во время расспроса в Посольском приказе С. Князев и С. Пригаринов.

Ситуация на тот момент действительно была критической. Как сообщил по секрету («сказывал тайно») гонцам есаул Черкасского городка Григорий Филиппов, в случае, если турки и крымцы возьмут Азов, то казакам из Черкасского городка придется, оставив последний, уходить вверх по Дону на верхние казачьи городки и «в Русь». С. Князев и С. Пригаринов спешно были отправлены из Черкасского городка обратно на Валуйки. Сами же казаки принялись копать ров и одновременно готовить суда.⁹² Как видно из данного сообщения, под Азовом решалась судьба не только этого города, но и казачьих городков тоже.

В своих показаниях в Москве С. Князев и С. Пригаринов сообщали, что упомянутая стрельба была под Азовом в Петров день — 29 июня. Ошибка здесь, учитывая упоминание о церковном празднике, маловероятна. В пользу данного вывода косвенно свидетельствует и тот факт, что, говоря о пребывании С. Князева в светлую часть указанного дня в камышах под Азовом, в расспросных речах употреблено выражение: «и на завтра, в среду». Пасха в 1641 г. была 25 апреля, и при соответствующем расчете подтверждается, что Петров день в этом году действительно приходился на вторник.

Подходя к завершению разбора документов о начале обороны Азова, отметим следующее. Согласно показаниям Б. Лукьянова и Р. Родионова с казаками их станиц, 24 июня под город пришла только крымская орда, турки же были лишь на подходе. Таким образом, если не считать вылазок казаков 24 и 25 июня (и, возможно, позднее), то основные боевые действия должны были начаться несколько позже. Когда? Заметим, что до указанной ружейной и пушечной стрельбы, которая шла «с перемешкою» (попеременно) и очень похожа на перестрелку в ходе приступа турецкой стороны к городу, никаких предварительных обстрелов Азова расспросные речи С. Князева и

⁹² Донские дела. Кн. 2. Стб. 226, 231—234. Фраза об уходе из Черкасского городка звучит так: «будет Озов крымские и турецкие люди возьмут, и им, атаманом и казаком, ис Черкасского городка з Дону ити всем врознь вверх по Дону к Воронежу в верхние городки и по <...> государевым украинным городам».

С. Пригаринова не фиксируют. Обстрелов крепости не было ни в тот день, когда упомянутые гонцы подъехали к Азову, ни в день отправки С. Князева из Черкасского городка под Азов.⁹³

Итак, на наш взгляд, стрельба под Азовом 29 июня была связана именно с первым приступом турок. До этого турецкой стороной велось, по-видимому, возведение осадных укреплений («шанцев»), как об этом сообщает Эвлия Челеби (см. далее). Затем последовал методический обстрел крепости, а канонада около 7 июля была связана, вероятно, с подвозом тяжелых стенобитных орудий. С. Князев и С. Пригаринов сообщали также, что на следующий день после их пребывания в камышах под Азовом артиллерийский огонь был только «до полдень», в то время как в последующем он велся «по вся дни», причем казаки в Черкасском городке определили, что это бьет «турской наряд». Возможно, стрельба 30 июня только до полудня была связана, как об этом известно из Поэтической повести, с захоронением турецкой стороной своих воинов, погибших в ходе приступа.

Выше мы очертили события, происходившие в ходе борьбы за крепость в июне 1641 г. Переходя к рассмотрению основной части источников второй группы, следует отметить, что напрямую эти документы освещают лишь события августа; боевые действия под Азовом в июле данные источники затрагивают частично и очень слабо. Показания упомянутых документов о борьбе в августе также довольно отрывочны и противоречивы, однако, помимо проверки показаний Поэтической повести, источники части «б», по нашему мнению, все же дают возможность в какой-то мере проследить последовательность и хронологию основных событий азовской обороны 1641 г. Прежде всего, под таким углом зрения и будет рассмотрен имеющийся материал; одновременно по необходимости мы затронем вопросы, без прояснения которых дальнейший анализ источников будет затруднен.

Расспросные речи от 29 августа приехавших с Дона на Валуйки из казачьего городка Каргалы белгородца Е. Еремеева и «черкашенина» Г. Герасимова содержат сведения о взятии турками и татарами Топракова города в Азове.⁹⁴ Об этом событии в литературе известно

⁹³ Следует, впрочем, оговориться, что таковые могли быть опущены гонцами во время расспросов.

⁹⁴ Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 122—123. Любопытно, что данный документ неверно озаглавлен публикаторами: «Отписка валуйского воеводы <...> (имя) о получении им вестей, что донские казаки взяли в Азове городок Ташколов». Правильнее, думается, его следовало бы назвать так: «Отписка воеводы г. Валуйек <...> (имя) о взятии турками и крымцами Топракова города у казаков в Азове и отступлении последних в Ташкалов городок». Публикаторы документа, как видим, нечетко представляли себе ситуацию, при которой возникло данное известие.

из выдержки, сделанной А. А. Новосельским из расспросных речей К. Петрова, а также известий, полученных русскими посланниками И. Остриковым и А. Юдиным в ногайских улусах от приехавшего туда из-под Азова некоего татарина Оллака (см. ниже).⁹⁵ Между тем, расспросные речи Е. Еремеева и Г. Герасимова гораздо подробнее сообщают о данном событии и называют его точную дату.

Источник, о котором идет речь, опубликован, но при этом в историографии донского казачества малоизвестен. Согласно документу, когда Е. Еремеев и Г. Герасимов были на Дону в казачьем городке Каргалах, при них 6 августа сюда из казачьего Черкасского городка приехали донские казаки Василий Болдырь (в публикации, скорее всего, ошибочно: «Бондырь») и Иван Тамбовец, сообщившие во время расспроса на кругу в Каргалах следующее. 3 августа при них, В. Болдыре и И. Тамбовце, из Азова в Черкасский городок «прибежало» два запорожских казака («черкашенина»). Последние показали, что 2 августа при них «турские и крымские люди» с помощью «земляного насыпного вала» взяли Топраков город (в документе — Топракалов), причем в ходе этих событий был ранен донской войсковой атаман Наум Васильев, который вскоре от раны умер.⁹⁶ В тот же день (2 августа) войсковым атаманом был избран Тимофей Лебяжья Шея, который укрепился («сел в осаде») с казаками «в Азове [и] в Ташколове городке». Сообщалось также о серьезных потерях казачьей стороны в ходе боев и, в частности — «на приступех», а также сильном обстреле с земляного вала и стен захваченного турками Топракова города донских казаков, засевших в Азове и Ташкалове.⁹⁷

Указанный документ уникален в том отношении, что он дает нам дату оставления казаками Топракова города — 2 августа. И хотя принято говорить о достаточно быстром отступлении из него казаков,⁹⁸ выходит, однако, что осажденные удерживали его больше месяца.

⁹⁵ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 287. Мишиков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 387.

⁹⁶ Начальный этап обороны Азова возглавлял донской войсковой атаман Наум Васильев (прозвище Шелудяк). Он же возглавил одну из первых вылазок казаков из Азова 25 июня (Донские дела. Кн. 2. Стб. 214.). Сообщение запорожских казаков о смерти Н. Васильева неверно — он остался в живых, и его имя упоминается в документах еще спустя долгое время. В данном случае, возможно, речь может идти о ранении. Если упомянутые запорожские казаки ничего не путают, следующим войсковым атаманом в Азове (см. ниже) стал Тимофей Яковлев (Лебяжья Шея), а уже, возможно, после него — Осип Петров (Калуженин).

⁹⁷ Акты Московского государства. Т. 2. С. 122—123.

⁹⁸ См., например: Мишиков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 387.

Данное обстоятельство в определенной степени меняет наши представления о ходе азовского осадного сидения 1641 г. Получается, что осада была еще драматичнее, чем это представлялось на основе Поэтической и Документальной повестей: казаки весь июль удерживали Топраков, но затем все-таки были вынуждены оставить его. С учетом информации данного источника оборону Азова в целом следует разделить, думается, на два периода — до падения Топракова города и после него.⁹⁹ Причем второй этап надо разделить, как представляется, на два — до 2 августа и после этого числа.

Из расспросных речей Е. Еремеева и Г. Герасимова очевидна также следующая деталь. Турецкий вал фигурирует уже через месяц после начала осады, да и создан он был, судя по характеру сообщения, значительно ранее. Несмотря на то, что данное известие было зафиксировано лишь после того, как оно прошло через вторые и третьи руки, точность датировки позволяет, на наш взгляд, с доверием отнестись к указанной в документе дате. Таким образом, данная информация дает основание подвергнуть сомнению сообщение войсковой отписки донских казаков от конца сентября—начала октября 1641 г. о том, что турецкая сторона предприняла возведение валов лишь после двухмесячного обстрела города, т. е. с конца августа.

Подобное же заключение дают возможность сделать и расспросные речи в Астрахани группы астраханских конных стрельцов во главе с Иваном Ильиным и группы едисанских татар (всего 15 человек), посылавшихся из Астрахани во второй половине июля или начале августа 1641 г. в низовые казачьи городки с целью «проведывания вестей», т. е. для сбора информации о положении дел на Дону и близ него. Под Черкасским городком, осажденным крымцами и ногайцами, этому отряду удалось захватить ночью «у конских стад» ногайского татарина, который показал о ходе борьбы под Азовом следующее. Турки и крымцы к Азову приступали и подводили под азовскую стену подкоп, который подвести «не угадали» — провели его мимо городской стены к Дону. Затем, по словам «языка», осаждающие дважды подводили к городу земляной вал, однако казаки подвели к валам подкопы и взорвали их, вследствие чего «многих турецких

⁹⁹ В Поэтической повести, если читать ее, не зная документальных источников об азовском осадном сидении, невольно чувствуется некоторый провал в содержании, недосказанность относительно момента обстрелов крепости турецкой стороной и разрушения ею крепостных укреплений. Автор повести говорит, что обстрелы длились шестнадцать дней, но ведь осада крепости продолжалась три месяца. Остается неясно, что же происходило в остальное время — неужели только подкопная война и турецкие приступы завершающего этапа осады?

и крымских людей <...> побили». Время возвращения отряда в Астрахань — 30 августа. Учитывая, что дорога с низовьев Дона занимала примерно от десяти дней до двух недель,¹⁰⁰ из этого следует, что доставленные в Астрахань отрядом И. Ильина «вести» о положении дел на Дону следует датировать не позднее чем серединой августа.

Надо сказать, что показания татарского «языка» довольно скудно освещают почти двухмесячную борьбу под Азовом. Отмечены лишь самые основные эпизоды азовской обороны — штурмы Азова турками и их подкопные мероприятия, окончившиеся неудачей, а также строительство двух земляных валов, подорванных казаками. Не исключено, что этапы борьбы здесь перепутаны. Из иных источников следует, что подкопные работы велись турецкой стороной после возведения валов,¹⁰¹ а два вала, взорванных казаками, скорее всего, — ошибка. Согласно Поэтической повести (очень внимательной к подобным эпизодам), казаки лишь один раз взрывали турецкий вал: второй вал был слишком велик. Следует, впрочем, уточнить, что основная часть расспроса посвящена не собственно боевым действиям, а ходу переговоров между турецко-татарской и казачьей сторонами, явно состоявшихся совсем недавно по отношению ко времени захвата «языка». Эти переговоры, о которых, по-видимому, шли многочисленные толки в лагере мусульман, несколько отодвигали на второй план военные действия. Надо добавить, что захваченный татарин в точности мог и не знать хода борьбы — он и захвачен был в стороне от Азова.

Для нас, между тем, важно следующее. И этот, и предыдущий документ четко говорят, что валы были возведены турками гораздо ранее середины августа. Таким образом, в вопросе о времени строительства земляных валов предпочтение, бесспорно, следует отдать сообщениям Поэтической и Документальной повестей, а не войсковой отписке донских казаков в Москву от конца сентября—начала октября 1641 г. и историографической традиции. Что же касается собственно войсковой отписки, то в ней, на наш взгляд, просто-напросто перепутаны этапы боевых действий. Ведь отписка была получена в Москве уже 28 октября;¹⁰² значит, она была написана сразу же после окон-

¹⁰⁰ См., например: РГАДА. Ф. 127. 1637 г. № 1. Л. 39. Одиннадцать дней от Азова до Астрахани добиралась станица Р. Родионова, ехавшая, безусловно, «наскоро» (РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 35). Езда с телегами занимала примерно до трех недель (РГАДА. Ф. 127. 1637 г. № 1. Л. 136).

¹⁰¹ Согласно сообщениям Поэтической и Документальной повестей, а также расспросным речам в Астрахани стрельцов — новокрещеных из татар К. Петрова и И. Новокрещена.

¹⁰² РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 1. См. также: Донские дела. Кн. 2. Стб. 367.

чания борьбы, возможно, в сентябре, когда казаки еще не отошли после изнурительных боев. По-видимому, не случаен в этом отношении и тот факт, что дата начала осады в отписке также ошибочна — последняя началась не 7, а 24-го июня; в повестях же об обороне Азова число начала осады названо верно. Правда, в Документальной повести, как уже упоминалось, говорится о 24 июля, а не июня, но это, скорее всего, ошибка одного из переписчиков Повести.

По нашему мнению, последовательность событий в Поэтической и Документальной повестях дается правильно, да в казачьей отписке и не ставится цель четкого пересказа боевых действий — рассказ об обороне Азова слишком короток и явно составлен наскоро. Основную часть документа составляют сведения о тяжелом (в том числе материальном) положении, в котором находилось казачье Войско после окончания осады. Очень вероятно, что сообщения войсковой отписки, о которых наверняка имел сведения В. Д. Сухоруков, и послужили основой для отнесения им времени сооружения турками вала к концу августа, что затем уже вслепую повторили последующие авторы.

Два следующих документа (№ 9—10), в основном, освещают лишь события августа, о более раннем времени сообщая по большей части ретроспективно. В первом из них говорится о посылке из Астрахани сына боярского Ивана Острикова (в документе — Вострикова) и толмача Андрея Юдина с грамотой в ногайские улусы, покочевавшие к Азову, с целью уговорить татарских мурз вернуться с кочевьями обратно. И. Остриков и А. Юдин выехали из Астрахани 6 августа, вернулись 13 сентября. Согласно их расспросным речам, в татарские кочевья где-то на пути к Азову, в которых находились на тот момент посланники, из-под этого города приехал бывший астраханский татарин по имени Оллак (Аллак), сообщивший И. Острикову и толмачу А. Юдину относительно ситуации под Азовом следующую информацию.

На момент отъезда Оллака «турские люди» к «Азову приступали по многие дни и приступами Азова не взяли». Казаки же, «выходя из Азова подл[а]зами, турецких людей побивают», показывал Оллак. Здесь идет речь о наводивших на турок ужас казачьих вылазках, особенно ночных, через проведенные под стенами Азова ходы. Далее, после некоторого отступления назад по времени, говорится о каком-то особом приступе, во время которого турки, заметав камышом и засыпав землей ров, шедший вокруг города, приступали к Азову. Казаки во время этого приступа обливали турок со стен («з города») «варом и человечьим калом и на том <...> приступе многих турецких людей побили». После этого турки били по Азову «ис снаряду» «и зубцы и башни збили», осталась лишь одна башня со стороны Дона. Несколько забегаая вперед, оговоримся, что здесь мы видим вто-

рой, августовский, этап обстрелов крепости, в отличие от первого, июльского. На время отъезда Оллака из-под Азова казаки сидели «в дву городех — в Азове, да в Шакале (Ташколе. — О. К.)», покинув Топраков город «сами за безлюдством», т. е. из-за нехватки людей.¹⁰³

Далее идут сведения о переговорах казаков с турками, после чего в документе говорится о ссоре («брани») между турецкими пашами и крымским «царем» по вопросу о безуспешной и длительной осаде города.¹⁰⁴ Последнее известие позволяет датировать (на основании следующего документа) время отъезда из-под Азова упомянутого татарина примерно концом августа. При этом, сам расспрос состоялся, с учетом времени прибытия посланников в Астрахань (13 сентября), не позднее первых чисел сентября 1641 г., а скорее всего, также где-то в конце августа.

О ситуации, сложившейся под Азовом к концу августа—началу сентября, обстоятельно рассказывает документ № 10. В нем говорится, что 17 сентября в Астрахань из казачьего городка Курман Яр приехали едисанский татарин Мулкоман («Мулкоманко») Самаров с тремя товарищами. Все они были отпущены из Астрахани на Дон в 1640/41 г. Упомянутые татары показали при расспросе, что пятнадцать дней назад (т. е. 2 сентября) под Черкасским городком произошел бой между казаками этого городка и напавшими на городок «крымскими людьми». В ходе боя казаками был захвачен крымский татарин, который о ситуации под Азовом показал следующее. Многие из крымских и ногайских татар из-под Азова пошли в Крым, так как запасы продовольствия у них иссякли, да и конские корма вокруг Азова все потравлены. При этом в турецко-татарском лагере возникли следующие разногласия. Крымский «царь» говорил турецким пашам, что «они (турки. — О. К.) под Азовом стоят долгое время, а промыслу над Азовом никакого учинить не умели». Крымский царь также жаловался на отъезд из-под Азова своих ратных людей, и, по-видимому, требовал от пашей снять осаду, отказываясь далее стоять под Азовом. Те же отвечали, что без указа турецкого султана снять осаду они не могут и ожидают распоряжения из Стамбула по данному поводу. Говорится также о прекращении турецкой стороной боевых действий.¹⁰⁵ К концу августа, таким образом, в военных действи-

¹⁰³ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 105—117. О быстром оставлении казаками после начала осады Топракова города, как принято считать в литературе (см.: Митинков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 387; Тихонов Ю. А. «Азовское сидение». С. 107.), данный источник не сообщает.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 117.

¹⁰⁵ Там же. Л. 103—104.

ях наступает затишье, которое могло прерываться, впрочем, казачьими вылазками против турок через подземные ходы, как об этом показывал русским посланникам И. Острикову и А. Юдину в ногайских улусах татарин Оллак. Очень важно имеющееся в документе упоминание, что на конец августа 1641 г. подмога к туркам (а вместе с ней прибыло и повеление султана о продолжении осады) под Азов еще не подошла.

Итак, рассмотренные выше источники, несмотря на их отрывочность, все же позволяют, как видим, выяснить примерный ход и этапы борьбы под Азовом в июне—июле, а также августе 1641 г. Хронология событий представляется при этом следующим образом. Июнь — приход под город (причем не одновременно) турецких и крымских войск, первый приступ турок (состоялся, по-видимому, 29 числа). Июль — возведение осаждающими земляного вала, взрыв его казаками, возведение турецкой стороной нового земляного вала и первый этап обстрела азовских укреплений из тяжелых осадных орудий. В промежутке — конец июля—первая половина августа — переговоры казачьей и турецкой сторон относительно оставления казаками Азова. Август — падение Топракова города (2-го числа) и некий решительный штурм турками казачьих укреплений, второй этап обстрелов крепости, в конце месяца — затишье боевых действий. К августу же, возможно, относится и череда турецких приступов к Азову, о которой И. Острикову и А. Юдину сообщал в ногайских улусах татарин Оллак. Видимо, по отношению ко всему данному периоду следует относить вылазки из Азова и подкопную активность казаков.

До сих пор, стремясь отследить последовательность и хронологию происходивших под Азовом событий, мы рассматривали сведения, полученные воеводами, как уже отмечалось, через вторые и даже третьи руки. Теперь переходим к показаниям очевидцев. Это расспросные речи в Астрахани двух астраханских стрельцов — новокрещеных из татар Кузьмы Петрова и Ивана Иванова Новокрещена, о которых уже упоминалось ранее. Во время боев под Азовом они порознь находились в турецко-татарском лагере и были свидетелями происходящего. Показания новокрещеных дают достаточно полный обзор событий под Азовом в августе 1641 г.

Обстоятельства того, как и когда К. Петров оказался под Азовом, не вполне ясны. Согласно его позднейшим расспросным речам в Астрахани, он был послан в ногайские улусы вместе с сыном боярским И. Остриковым и толмачем А. Юдиным. Однако позже, во время расспроса в Москве, К. Петров показывал, что он был отправлен

из Астрахани «о Петрове дни», т. е. в конце июня. Это сообщение резко расходится с показаниями документа № 9, согласно которому посланники И. Остриков и А. Юдин были отправлены в ногайские улусы только 6 августа 1641 г. В своих же расспросных речах К. Петров показывал, что турки «при нем, Куземке» взяли Топраков город.¹⁰⁶ Это случилось, как мы знаем, в первых числах августа, раньше, чем, согласно отписке астраханских воевод в Москву, выехали из Астрахани И. Остриков и А. Юдин.¹⁰⁷ На наш взгляд, возможны два объяснения данного противоречия: либо в источнике стоит неверная дата отправки И. Острикова и А. Юдина, либо они ездили в ногайские улусы дважды. В ногайских улусах русских посланников отпустили, хотя вернуть татар на кочевья близ Астрахани им не удалось, а К. Петрова татары повезли с собой сначала под Азов, а затем в Крым. Из Крыма ему удалось, добыв двух лошадей, бежать, и затем он через Азов вернулся в Астрахань.

Очень яркую выдержку из расспросных речей в Астрахани Кузьмы Петрова приводит в своей работе А. А. Новосельский. Думается, имеет смысл привести ее еще раз. Описание событий начинается здесь с падения Топракова города: «А турецкие де люди при нем, Куземке, с первого приходу взяли Топраков город и у церкви Ивана Предтечи поставили восемь знамен. И у казаков де был в тот Топраков город подкоп, и в подкопе стояло зелье. И как де в тот Топраков город прошли турецкие многие люди, и казаки, запала в подкопе зелье, и турецких людей тем подкопом побили тысячи с три и болши. И турецкие де люди приступали к Ташкалу и к Азову, и, заметав около городовые стены ров камышем и землею, хотели итти на городовые стены. И азовские де казаки обливали з городовые стены человечьим калом, и многих турецких людей побили. И после де того подошли блиско городовые стены турецкие люди шанцами, и привели к городской стене земляной вал, и ис пушек збили городовые стены до по[до]швы. И казаки де, выкопав в городе ров, и ото рву зделали острог. И заметав тот острог землею и сами вкопався в ямах, сидели от турецких людей в осаде. И турецкие де люди подводили под них подкопы. И азовские де казаки у турецких людей подкопы перекопывали, а иные подкопы азовских казаков турецких людей с подкопы сходились, и многих турецких людей в подкопах побили. Да азовские ж казаки подводили подкопы под стену за город, и на те места наманя турецких людей, зелье в подкопах зажигали, и тем турецких

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 260.

¹⁰⁷ Там же. Л. 105.

многих людей побивали. И турецких людей бросало в город и за Дон».¹⁰⁸

Рассматривая приведенное выше сообщение будет несколько далее, а сейчас отметим, что не менее ярко о тех же событиях, только в несколько иной последовательности, говорит в своих расспросных речах также Иван Новокрещен. В чем-то его рассказ повторяет предыдущий, в чем-то дополняет его. Ситуация с отправкой И. Новокрещена под Азов не менее туманна, чем и в случае с К. Петровым. Согласно отписке в Москву астраханских воевод, И. Новокрещен был отправлен из Астрахани «под Азов в турецкие и крымские полки в лазутчиках», с заданием «росмотреть всего и проведать подлинных вестей». Время отправки — также 6 августа 1641 г. Был ли отправлен И. Новокрещен с посланниками И. Остриковым и А. Юдиным или отдельно, в документе не отмечено.

Как уже упоминалось, целью посланников И. Острикова и А. Юдина было догнать ушедшие в дальние кочевья, находившиеся на полпути от Астрахани к Азову, улусы ряда мурз Большой Ногайской орды¹⁰⁹ и призвать их вернуться к Астрахани. Выполнить эту задачу посланникам не удалось — ногайские улусы к тому времени уже подошли к Азову.¹¹⁰ Однако И. Новокрещен, согласно его позднейшим показаниям в Астрахани, до этих улусов добрался. Там его узнали, некоторое время держали связанным и привезли под Азов, однако после того, как И. Новокрещен заявил, что из Астрахани он сбежал и хочет снова быть «в бусурманской вере», его освободили. После этого он некоторое время «жил <...> под Азовом в турецких и в крымских полках»,¹¹¹ вернувшись обратно в Астрахань 17 октября. Таким образом, время появления И. Новокрещена под Азовом остается неясным. Возможно, он мог и не быть свидетелем ряда событий, о которых сообщается в его расспросных речах, приводя информацию о таковых, почерпнутую под Азовом из рассказов очевидцев из мусульманского лагеря.

Рассказ И. Новокрещена начинается, по-видимому, с событий, следовавших после взятия турками Топракова города: «А как де турецкие паши с турецкими людьми и с янычены <...>, от городовые стены стояли поодоль, и подводили под Азов три подкопа ис степи, и к Азо-

¹⁰⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 286; РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 260—262. Как уже упоминалось, в книгах А. А. Новосельского и Н. А. Мининкова Кузьма Петров ошибочно именуется Кузьмой Федоровым.

¹⁰⁹ Это были улусы Чубармамет-мурзы Тинмаметева, Навруз-мурзы и ряда других.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 105, 110.

¹¹¹ Там же. Л. 230—233.

ву долгое время не приступали. И азовские де казаки, уведав то, что турские люди ведут под них подкопы, и перекопали от Азова подкоп поперег, и обыскали два подкопа. И в тех де подкопах азовские казаки вынесли зелье, и побили в тех подкопах 70 человек, и к Азову тех подкопов довести не дали. И турские де люди, и яныченя <...> после тех подкопов, заметав подле городовые стены ров камышем и землею, и подвели к городу земляной вал, и ис пушек городовые стены от степи, и от моря, и с приходу от бояраков збили до подошвы. И Башни збиты все ж до подошвы, и в городе в Азове полаты, и дугени, и избы збиты до подошвы, толко остались изретка каменные полаты. И стояли де турские люди около рва в пяти саженех. И азовские де казаки, вкопався в Азове, сидели в ямах. А покаместа городовые стены были целы, и азовские де казаки з городовые стены с турскими людьми бились, и ис наряду по них стреляли, и подкопы из города за земляной вал подводили. И поставя в подкопах зелье, вы[й]дя на вылоски и намоня турских людей на те подкопы, зелье зажигали; и теми подкопы многих турских людей побили. И тем де они, азовские казаки, от турских и от крымских людей отсиделись».¹¹²

Итак, данные, полученные из первых рук, более или менее полно освещают события, происходившие под Азовом после падения Топракова города, т. е. в августе.¹¹³ Одним из главных моментов в обеих выдержках является подведение турками к Азову земляного вала и затем разрушение с помощью этого вала азовских укреплений. Из Поэтической повести нам известно о более чем двухнедельном обстреле крепости в июле. Однако данные обстрелы явно относятся не к этому времени. Согласно показаниям К. Петрова, они происходили уже после падения Топракова города (т. е. после 2 августа), а по данным расспросных речей И. Новокрещена, эти обстрелы были тесно связаны с подкопной войной, последовав сразу после нее. По Повестям же, обстрелы города в июле начались после возведения в короткий срок турецкой стороной вала и их начало никак не было связано с борьбой под землей. Таким образом, эти документы (наряду со сведениями, полученными И. Остриковым и А. Юдиным от ногайского татарина Оллака) четко, по нашему мнению, фиксируют новый (по отношению к июльскому), второй, этап обстрелов Азова, произошедший в августе.

Как видим, документальные материалы позволяют нам проследить противостояние под Азовом в августе и отчасти — в июне и

¹¹² РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 237—238.

¹¹³ Расспросные речи К. Петрова и И. Новокрещена этими сообщениями не ограничиваются.

июле 1641 г. О событиях в сентябре данные менее определены, в связи с чем последние будут рассматриваться отдельно. В целом же, документальные источники подтверждают известия, содержащиеся в Поэтической и Документальной повестях, включая свидетельства последних об ожесточенности боевых действий. В то же время документы содержат целый ряд фактов, которые в Повестях не упоминаются. Поэтому, не переходя пока к событиям сентября, попытаемся на основе сопоставления имеющегося в нашем распоряжении материала (как документального, так и нарративного) сделать подробную реконструкцию хода азовского осадного сидения 1641 г., включая привлечение свидетельств Эвлии Челеби. Последние очень интересно сопоставить с показаниями русских источников, так как сообщения тех и других во многом перекликаются.

Как уже говорилось, военные действия под Азовом целесообразно разделить на два периода и четыре этапа. Взятие турецкой стороной Топракова города (2 августа) делит азовскую оборону на периоды — до и после этого события. Первый период составляют первый и второй этапы осады, их разделяет подрыв казаками турецкого вала. Второй период состоит из третьего и четвертого этапов, включающих в себя боевые действия соответственно в августе и сентябре.

Первый этап обороны крепости хорошо прослеживается по Поэтической повести и документальным свидетельствам. Крымская орда (крымские и ногайские татары, «темрюцкие черкасы») подошла под Азов 24 июня. Численность татар в ходе осады Азова достигала, по разным данным, от 40 до 80 тысяч человек.¹¹⁴ Уже в первый день осады начались боевые столкновения казаков с татарами — «бои великие», как о них говорится в казачьей отписке в Москву от 24 июня 1641 г. Что следует понимать под данными словами, не вполне ясно. Возможно, что это была серия вылазок казаков из города, либо же ряд боев на подступах к нему. Четко документы фиксируют лишь вылазку казаков из крепости вечером 25 июня. Этому же числу или несколько позже к Азову начали подтягиваться и турецкие войска. О дальнейших событиях первого этапа обороны крепости мы знаем почти исключительно из Поэтической повести. Последняя, вбирая в себя и известия Документальной, относительно подробно сообщает о первом приступе турецкой стороны к городу и последовавших вслед за ним событиях. Сохраняя по возможности образность и красочность описаний Поэтической повести, рассмотрим эти события.

¹¹⁴ Согласно Поэтической и Документальной повестям об обороне Азова (40 тыс.) и показаниям К. Петрова и И. Новокрещена (80 тыс.).

Первый приступ, как уже говорилось, начался, согласно упомянутой Повести, на следующий день после переговоров сторон. Трудно сказать, велись ли эти переговоры в действительности, или же они были плодом фантазии автора Поэтической повести. В документальных источниках, правда, имеется упоминание о такого рода переговорах, отразившееся в поданной позднее (в 1644 г.) в Москве челобитной донского атамана Осипа Лосева. В частности, перечисляя свои «службы» великому государю на Дону, О. Лосев сообщал, что «за неделю до Оспожина заговейна»¹¹⁵ он посылался из Азова к туркам (в ответ на инициативу последних) для ведения переговоров относительно ухода казаков из города. Согласно челобитной О. Лосева, он был у турок «два дни», после чего, вернувшись к казакам в Азов, «их (турок. — О. К.) обманные речи Войску розказал...».¹¹⁶ Здесь, таким образом, речь идет о переговорах сторон не в начале обороны города, а о более поздних.

Согласно Поэтической повести, первый приступ турецкой стороны к городу был самым сильным. Как уже отмечалось, он был, по-видимому, предпринят турками 29 июня. Только янычар участвовало в нем, по сообщению Поэтической повести, 150 тысяч. Как говорится в Повести, приступавшие к Азову турки «крикнули <...> смело и жестоко» и, наклонив свои знамена к Азову, покрыли ими, по образному выражению автора, весь город. Давая неприятелю подойти поближе, казаки некоторое время не открывали огонь. Затем, однако, началась бешеная пальба с обеих сторон. «На обе стороны лише огонь да гром от стрельбы стоял, огонь да дым топился до небеси», — так характеризует автор напряженность боевого столкновения.¹¹⁷

На случай приступа у казаков были «отведены подкопы за город», которые, согласно Поэтической повести, обвалились «от множества их («бусурман». — О. К.) неизреченных сил». На данное место был заранее наведен весь казачий наряд (артиллерия), заряженный дробью («дробом сеченым»). В результате, «на тех пропастях», как выражается автор Повести, с турецкой стороны погибли «многие тысячи» (получается, таким образом, что это были не столько подкопы,

¹¹⁵ За неделю до 1 августа (24—25 июля); датировка, возможно, приблизительна.

¹¹⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 586.

¹¹⁷ Таким образом, согласно Поэтической повести и вопреки статье Ю. А. Тихонова, первый приступ турок к Азову происходил без сколько-нибудь значительной артиллерийской подготовки. В расспросных речах С. Князева и С. Пригарина, сообщавших о перестрелке сторон под Азовом 29 июня, также говорится о стрельбе с утра только из «мелкого ружья». Похоже, что турецкая сторона, надеясь на свои силы, попыталась захватить Азов с ходу, не затягивая осады.

сколько волчьих ямы). Однако «многим» неприятельским воинам удалось взойти на стены по штурмовым лестницам. По-видимому, на стенах разгорелись рукопашные схватки, причем от порохового дыма казаки зачастую не видели друг друга, в ход пошли ножи. Позднее, ретроспективно говоря об отбитых вражеских приступах, автор Повести констатирует, что «окроме болшова приступа первого, такова жестока и смелова приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тот приступ».¹¹⁸ По нашим наблюдениям, последнее выражение в повестях об Азове употребляется как обозначение высшего напряжения боя.¹¹⁹ В этот же день казаки ходили на вылазку, сумев даже захватить «большое знамя царя турецкого». По-видимому, вылазку казаки произвели уже поздним вечером, поскольку Повесть говорит, что с этим знаменем турецкие паши приступали «до самой уже ночи и всю зорю вечернюю». Получается, таким образом, что казаки в этот день одержали значительную победу над турками; потери последних автор Повести определяет в 22,5 тысячи убитых янычар («двадцать полтрети тысячи»), причем это — «окроме раненых».¹²⁰

Следующий день, согласно Поэтической повести, ушел на захоронение турками погибших; в расспросных речах С. Князева и С. Пригарина в Москве говорится, впрочем, о затишье боевых действий только во второй половине дня 30 июня (см. выше). На третий же день турецкая сторона повела к городу «великой земляной вал», или, как уточняет автор Повести, «земляную гору высокую», которая была значительно выше казачьих укреплений. Ее подвели к Азову за три дня. В результате, казаки уже в самом начале осады оказались в отчаянном положении. Согласно Повести, они, призвав себе в помощь силы небесные, попросившись друг с другом и «положив на себя образы смертные», вышли на вылазку «всеми силами». В ходе боя казакам удалось обратить неприятеля в бегство, которого «побили в тот час множество, многие тысячи». Вероятно, казачья вылазка отличалась внезапностью и застала турок врасплох.

¹¹⁸ Воинские повести, 1985. С. 442.

¹¹⁹ В частности, выражение «резаться ножами» употребляется при описании борьбы за «проломное место» в стене Азова во время его взятия казаками (Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 60). То же выражение употреблено, к примеру, в статейном списке русских посланников в Крым за 1655 г. в рассказе о бое в этом году крымцев с венграми. Крымским татарам удалось прорваться в «обоз» (полевое укрепление) последних. Как пишут посланники, между двумя сторонами «таков де бой был, что <...> ножами резались» (РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 40. Л. 432).

¹²⁰ Воинские повести, 1985. С. 440.

Помимо военной победы, выразившейся в захвате, согласно Поэтической повести, шестнадцати янычарских знамен,¹²¹ в ходе боя «у той горы» казаки отбили также двадцать восемь бочек пороха. Этим порохом, подкопавшись под турецкий вал (Документальная повесть уточняет, что подкопов было два), казаки подорвали («разбросали») его. О замысле казаков восполнять нехватку продовольствия в ходе вылазок уже говорилось; вероятно, так же обстояло дело и с запасами пороха. Далее в Поэтической повести сообщается о больших потерях турецкой стороны (как и обычно, «многие тысячи»), причем силой взрыва якобы 1500 янычар живьем бросило в город к казакам.¹²² Такое количество переброшенных к казакам через азовские стены турецких воинов, безусловно, неправдоподобно, однако само по себе подобное явление имело место. Об этом говорит в своих расспросных речах, в частности, К. Петров.

О времени, которое заняло проведение подкопа, ни в Повести, ни в документальных источниках не сообщается, и, таким образом, мы не можем четко датировать взрыв казаками турецкого вала. Следует, однако, отметить, что подземные галереи за азовские стены могли быть выведены казаками заранее, и им оставалось лишь подвести ходы непосредственно под упомянутый вал. В этой связи подчеркнем следующее. В Документальной повести об азовском осадном сидении говорится, что казаки в ходе первого приступа турок «запалили подкопы», которые, безусловно, были выведены наружу заранее.¹²³ Позднее в своей отписке в Москву казаки писали, что «в первое паленье (подкопа. — О. К.)» турки разом потеряли около 2500 человек.¹²⁴ На наш взгляд, здесь имеется в виду именно данное событие. Показания же Поэтической повести, что подкопы сами по себе обвалились под «неизреченной» тяжестью штурмующих, думается, просто литературное украшение. Подкопы как неотъемлемая часть укреплений казачьего центра (в частности, Черкасского городка) упоминаются в документах за 1650, 1653, 1656 и 1659 гг.¹²⁵

¹²¹ В казачьей войсковой отписке от конца сентября—начала октября 1641 г. говорится, впрочем, только о восьми захваченных казаками в ходе боевых действий турецких знаменах (Донские дела. Кн. 2. Стб. 368).

¹²² Воинские повести, 1985. С. 440—441.

¹²³ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 86.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 5 (Приказной пересказ войсковой отписки в Москву от конца сентября—начала октября 1641 г.). Цитируем дословно: «А в первом де их паленье милостию божиею взорвало их пол-3000 человек, и многих носило за Дон и к ним в город — побитых и живых».

¹²⁵ См.: РГАДА. Ф. 89. 1650 г. № 1. Л. 83; Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913. Стб. 694, 747; Кн. 5. Пг., 1917. Стб. 155, 562.

Относительно подробный рассказ о начальном этапе борьбы за Азов (правда, в основном, лишь в виде эпизодов) находим у Эвлии Челеби. Учитывая отрывочность авторского описания, трудно сказать, можно ли доверять такой последовательности событий, какой она предстает у Эвлии, однако выражения, употреблявшиеся турецким автором при рассказе о разворачивающихся под Азовом боевых действиях, весьма красноречивы. С самого начала осады в рассказе Эвлии получает отпечаток ожесточенность боев. Так, говоря о начале осады — занятии турецкими войсками («мусульманскими газиями») вырытых вокруг крепости окопов и последующих событиях, Эвлия Челеби отмечает, что «бои и сражения шли днем и ночью». В данное время к туркам продолжали подходить подкрепления, в частности, подошли войска из Анатолии. В связи с этим усиливаются и боевые действия. «Велик господь, — пишет турецкий автор, — целый день пушки и ружья так палили, что, вероятно, разорвало в клочья облака на трех небесных сферах».

Согласно Эвлии, получала подкрепление не только турецкая сторона. Так, турецкий автор сообщает, что однажды осажденные «принялись так палить из ружей, что крепость Азов запылала» огнем. Казаки наполнили крепость криками «Иисус! Иисус!», разукрасив крестами крепостные стены и башни. Оказывается, продолжает Эвлия, к осажденным «в ту мрачную ночь по реке Дон прибыло на помощь десять тысяч кяфиров (казаков. — О. К.)». Похоже, здесь мы встречаемся с упоминанием о так называемом «донском ясаке» — боевом кличе донских казаков,¹²⁶ а кресты, скорее всего, имеются в виду те, что были изображены на полотнищах казачьих знамен. В ходе казачьей стрельбы из ружей и пушек, которая продолжалась и утром, было убито 600 турецких воинов. Не исключено, что здесь идет речь о казачьей вылазке.

Наконец, после того как «подобное морю» турецкое войско окончательно обложило крепость, заняв предназначенные для каждого отряда окопы, между противниками началась, как говорит Эвлия, битва «по всем правилам военного искусства». «От грохота пушеч-

¹²⁶ Данное предположение может подтвердить следующий факт. Рассказывая в своей «Книге путешествия» о казачьем нападении в 1655 г. на город Гунию близ Батума, Эвлия Челеби сообщает, что в тот момент, когда казаки, находившиеся в захваченном городе, увидели выступившие против них турецкие войска, они вскричали: «Jasus! Jasus!» (т. е. «Иисус»). Данный эпизод приводит Ф. Брун в примеч. 4 к опубликованному им рассказу Эвлии об обороне казаками Азова в 1641 г. Оба рассказа представляют собой перевод на русский язык с английского, на который был сделан перевод уже непосредственно с турецкого (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 172—173).

ной стрельбы с обеих сторон сотрясались земля и небо», — продолжает он. Далее идет описание приступа турецкой стороны: «Начавшись чуть свет, в течение семи часов шла такая драка и свалка, что битвы, подобной этой, еще не видело, вероятно, око судьбы». Турецкая сторона несла потери в сотни и сотни убитых.¹²⁷

Из рассказа о начале осады турками Азова видно, насколько отрывочно описание Эвлией первых боев. В частности, здесь и в дальнейшем полностью опущены такие события, как сооружение турками земляного вала и подрыв его казаками, возведение турецкой стороной нового земляного вала. Яркое отражение получает у Эвлии лишь ожесточенность боевых действий; начало осады затянуто во времени (похоже, впрочем, что так и было в действительности): турецкие войска то роют окопы, то получают подкрепление. Очень скупо у турецкого автора дано описание некоего приступа к Азову турецкой стороны. По своим характеристикам он очень похож на первый приступ турок, каким мы знаем его по Поэтической повести, однако тот факт, что, согласно Эвлии, уже до него между казаками и турками шли днем и ночью «бои и сражения», включая длительную пушечную стрельбу, вроде бы не позволяет так думать. Не исключено, впрочем, что последовательность событий начала осады у Эвлии может быть нарушена.

Обратимся ко второму этапу борьбы за крепость. Согласно Поэтической повести (а также ряду документальных свидетельств) данный этап был связан с повторным возведением турецкой стороной земляного вала. Новый турецкий вал был намного больше прежнего. Автор Поэтической повести говорит, что эта «гора» была «в длину <...> лучших стрелбища в три, а в высоту многим выше Азова города, а широта ей — как бросить на нее дважды камнем». После возведения данного сооружения (а, скорее всего, и параллельно ему) последовал артиллерийский обстрел города, длившийся без перерыва, согласно Повестям, шестнадцать суток — «шеснатцать дней и шеснатцать ночей».¹²⁸ «В те дни и ночи» были, согласно Поэтической повести, разбиты («распались») азовские укрепления («крепости») — все стены и башни, церковь Иоанна Предтечи, а также каменные строения («палаты») до самого основания («по подошву»). О длительном обстреле крепости в начале осады (после 29 июня) сообщали в Москве и служилые люди С. Пригарин и С. Князев, побывавшие в это время на До-

¹²⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 28—29.

¹²⁸ Воинские повести, 1985. С. 442; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 86. В Документальной повести прибавляется, что высота земляного вала была семь саженей.

ну. Из другого источника (док. № 9; сведения на конец августа 1641 г.), впрочем, узнаем, что обстрелы крепости перемежались с неоднократными («по многие дни») приступами к ней, не принесшими туркам желаемых результатов.¹²⁹ Возможно, правда, что эти штурмы произошли уже после данного шестнадцатидневного обстрела крепости.

После довольно краткого сообщения о более чем двухнедельных обстрелах Азова последовательность описания событий в Поэтической повести отчасти теряется. Рассказ далее ведется непоследовательно, в общих чертах, что, впрочем, создает картину суровых будней обороны, заполненных постоянными боями. В частности, автор говорит о потере казаками артиллерии в ходе обстрелов турками крепости («а <...> наряд наш пушечной переломали весь»). Сами казаки сидели в это время «в ямах» (подземных укрытиях), из которых им не давали и выглянуть.¹³⁰

О сильном обстреле Азова после рассказа о приступе турок к городу сообщает и Эвлия Челеби. «А утром, — говорит он, — снова был открыт огонь из пушек. Ворота и стены крепости были разбиты и разрушены, а дома в ней разнесены в щепы». Выстояли лишь укрепления, построенные генуэзцами.¹³¹ Казаки, однако, и при столь неравном соотношении сил не прекращали борьбы. Далее Эвлия Челеби пишет фразу, дающую высокую оценку энергии казаков. Итак, в следующую ночь после обстрела казаки «совершенно неожиданно наставили кабаньих капканов, щитов, заостренных кольев, окопались, и бой начался с новой силой».¹³²

Далее, согласно Эвлии, обстрелы крепости продолжались, неся ей все новые и новые разрушения. Вероятно, что, как уже отмечалось, обстрелы Азова сменялись попытками приступов. В таких случаях бои шли, надо полагать, в проломах и на развалинах стен, причем уцелевшие части укреплений становились, похоже, очагами сопротивления. Об одном из подобных столкновений и рассказывает турецкий автор. Он пишет, что в один из моментов осады некоторое число турецких воинов («газиев»), бросившись в довольно широкие бреши, пробитые пушками в стенах крепости, водрузило там свои знамена. Однако «хитрые» казаки, воспользовавшись тем, что не все

¹²⁹ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 116 (Показания в Астрахани сына боярского И. Острикова и толмача А. Юдина, основанные на расспросе в ногайских улусах татарина Оллака).

¹³⁰ Воинские повести, 1985. С. 442.

¹³¹ Имеются в виду, вероятно, укрепления Азова и Ташкалова города (Донские дела. Кн. 2. Стб. 64).

¹³² Эвлия Челеби. Книга путешествия. Кн. 2. С. 30.

турецкие воины подошли вплотную к проломам, ударили по туркам перекрестным огнем, так что «сразу же сотни их испили чашу смерти». Оставшиеся в живых три дня и три ночи вели бой с казаками на крепостных укреплениях, то беря верх, то терпя неудачу и выстаивая против натиска «пьяных кяфиров». ¹³³ В конце концов, турки были вынуждены отойти с боями назад, оставив на крепостных сооружениях множество знамен и убитых. ¹³⁴ Надо полагать, это было наиболее яркое из столкновений такого рода, потому его и отметил автор.

Мы рассмотрели, как отображаются в Поэтической и, отчасти, Документальной повестях, а также записках Эвлии Челеби боевые действия под Азовом в июле 1641 г. (датировка наша). Документальный материал дает возможность несколько дополнить известия, изложенные в нарративных источниках. Итак, начало второму этапу борьбы за Азов положило возведение турецкой стороной нового земляного вала. Как уже отмечалось, на настоящий момент нельзя точно определить, когда осаждающими была начата упомянутая работа. Можно лишь сказать, что это произошло, по-видимому, в первой половине июля. Одним из главных направлений противоборства сторон в это время была, насколько можно судить, борьба за Топраков город. Из одного позднейшего документа узнаем, что все стены и здания Топракова города были разрушены; это свидетельствует о длительном обстреле его турками. ¹³⁵ Со стороны казаков в данное время, возможно, продолжались вылазки из крепости, как об этом показывал позднее И. Новокрещен. Наконец, 2 августа посредством земляного вала туркам удастся захватить Топраков. Далее следует второй период обороны Азова и, соответственно, ее новый, третий, этап.

После отступления из Топракова города положение «азовских сидельцев», согласно упоминавшемуся сообщению двух запорожских казаков («черкас»), бежавших в это время из Азова в Черкасский городок, было не из лучших. Казаки потеряли все орудия, которые находились в Топракове на башнях и пряслах: эти орудия были за-

¹³³ Так, видимо, следует понимать эту часть рассказа. В подлиннике она звучит так: «Наконец, несколько газиев, бросившись в достаточно широкие бреши, пробитые в [стенах] крепости пушками, водрузили там знамена. Однако казаки увидели, что [те газии], которые сначала их преследовали, не подошли вплотную к проломам. Хитрые кяфиры, воспользовавшись создавшейся обстановкой, ударили по тем газиям перекрестным огнем, так что сразу же сотни их испили чашу смерти. Оставшиеся же, воскликнув: „Поворачивать назад не пристало чести мусульманской!“ — три дня и три ночи вели бой с кяфирами на крепостных укреплениях...».

¹³⁴ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Кн. 2. С. 31.

¹³⁵ См.: Донские дела. Кн. 2. Стб. 263 (Выписка из дела о посылке дворянина А. Желябужского и подьячего О. Башмакова в Азов с целью осмотра его укреплений).

хвачены турками. Упомянутые «черкасы» показывали также, что турки и татары с земляного вала и стен захваченного Топракова города «безпрестанно» стреляют из «большого наряда» по казакам, засевшим в Ташкалове городке. Сообщалось также, что в осаде находится около 1000 человек. Казаки в осаде и во время приступов понесли значительные потери — многих из них «турские и крымские люди побили, а иных поранили», причем «многие» от ран умерли, констатировали упомянутые «черкасы». ¹³⁶

Может возникнуть вопрос: не преувеличено ли поражение казаков? Ведь их было гораздо больше одной тысячи. Да и отступление из Топракова города не было, безусловно, для казаков неожиданным. Так, уже упоминавшийся Кузьма Петров показывал позднее в распросе, что после того как казаки оставили Топраков, они с помощью подкопа взорвали вошедших в этот «город» турок, разом потерявших более трех тысяч человек. Согласно еще одному известию, казаки сами оставили этот город «за безлюдством». ¹³⁷ Таким образом, падение Топракова, по-видимому, предвиделось казаками. Однако данный эпизод все же не вошел в казачьи повести об обороне Азова. И едва ли случайно, что примерно в это время проходят переговоры казаков с турками о сдаче Азова, причем ведутся они на довольно тяжелых для казаков условиях. В целом, отметим, что казаки, по-видимому, допускали возможность оставления данной части города, хотя при отступлении и понесли некоторые потери в людях.

Теперь остановимся на переговорах турецкой стороны с казаками. Как уже было отмечено, об этих переговорах говорится в распросных речах отряда И. Ильина, прибывшего в Астрахань 30 августа. В документе сообщается, что в один из моментов осады (в какой именно — неясно) турки и крымцы «посылали» к донским казакам, чтобы они вышли из Азова в свои городки, и сулили вознаграждение. Казаки в ответ выдвинули требование, чтобы осаждавшие вернули казакам отбитые у них под Азовом струги, тогда они уйдут из города. Однако турки и крымцы настаивали, чтобы казаки «из Азова вышли в свои казачьи городки степью пеши и без ружья». В результате, донские казаки заявили, что «хотя де им в Азове до последнего всем помереть, а пешим и без ружья в городки свои не хаживать» и Азова не сдавать. ¹³⁸ Информацию, содержащуюся в распросных речах, следует датировать не позже, чем серединой августа.

¹³⁶ Акты Московского государства. Т. 2. С. 123.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 117 (Показания в Астрахани И. Острикова и А. Юдина, основанные на распросе ими в ногайских улусах татарина Оллака).

¹³⁸ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 99—100.

Гораздо более ярко, но несколько иначе содержание переговоров на основе показаний ногайского татарина Оллака передают расспросные речи И. Острикова и А. Юдина. Здесь переговоры представлены следующим образом. Начав последние по собственной инициативе («да турецкие де <...> люди присылали к донским казаком...»), осаждающая сторона предложила казакам покинуть Азов, выйдя из него «без ружья и без жон, и без детей». В ответ казаки посылали к турецким пашам казака, обещая отдать Азов лишь в том случае, если их выпустят из Азова «з женами и з детми, и з животы». В противном же случае, заявляли казаки, им «Азова не отдавывать и помереть всем заодно. А будет де им, донским казаком, сидеть в Азове невмочь, и они де донские казаки наставят в городе под стенами бочки [з] зельем и те бочки запалят, и городовые де стены взорвут — хотя де их донских казаков и побьет, а живы им не дадутца».¹³⁹

Н. А. Мининков считает, что казаки использовали эти переговоры в качестве передышки.¹⁴⁰ На наш взгляд, однако, они являются, в первую очередь, свидетельством того, насколько тяжелым было положение казаков в Азове на конец июля—начало августа 1641 г. По крайней мере, думается, формулировки казачьих заявлений в данном и предыдущем документах недвусмысленно говорят об этом. В обоих случаях турки практически не оставляют казакам шансов выйти из Азова целыми — они не дают им уйти на судах, т. е. без контроля турок, а требуют отдаться в турецкие руки без всяких гарантий для казачьей стороны. На наш взгляд, все это недвусмысленно говорит об определенных надеждах со стороны осаждавших с успехом завершить начатое дело.

Дальнейшие события осады, точнее, их последовательность, в разных источниках дается по-разному. В наиболее общем плане о событиях под Азовом в августе 1641 г. сообщает Поэтическая повесть. Ее автор, опуская взятие турками Топракова города, смешивает, несомненно, обстрел турецкой стороной казачьих укреплений в июле (длвшийся, по его сообщению, 16 суток — «шеснатцать дней и шеснатцать ночей») и обстрел казачьих укреплений в августе. В ходе 16-суточного обстрела, согласно Повести, были разрушены до самого основания («по подошву самую») укрепления Азова. Казаки в это время, согласно данному источнику, укрывались под землей «в ямах» — подземных убежищах. Как говорит автор Повести, под землей казаки сделали «покои великие», «дворы себе потайные», откуда повели под

¹³⁹ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 112, 116—117.

¹⁴⁰ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 388.

турок 28 подкопов. Согласно Повести, данная мера была ответным шагом на турецкие обстрелы крепости. С помощью этих подкопов казаки «ночную порою» выходили на вылазки под турецкие таборы, нагоняя на осаждающих и, в частности, «на их пехоту янычан», «великой страх» и нанося туркам в людях «урон большой».¹⁴¹

Затем, по словам Поэтической повести, и турки, глядя на действенность казачьей тактики, подвели 17 своих подкопов,¹⁴² пытаясь проникнуть на обороняемую казаками территорию или, как выражается автор Повести, «пройти в ямы наши». Казаки все эти подкопы «устерегли» и взорвали их, вновь перебив «многие тысящи» неприятеля. На этом турки, согласно Повести, прекратили подкопную войну.¹⁴³ Далее автор оговаривается, что всего под город было 24 приступа «всеми людьми», однако уже не столь «жестоких и смелых», как первый приступ.¹⁴⁴ Таким образом, согласно автору Поэтической повести, выходит, что обстрелы крепости и подкопная война совмещались с прямыми штурмами Азова.

В документальных источниках ход событий под Азовом в августе 1641 г. представлен более подробно. Прежде всего, о нем известно из расспросных речей в Астрахани свидетелей этих событий, татар-новокрещенных Кузьмы Петрова и Ивана Новокрещена (док. № 11—13), а также из сведений о ходе осады, полученных русскими посланниками И. Остриковым и И. Юдиным в ногайских улусах от приехавшего в эти улусы из-под Азова ногайского татарина Оллака (док. № 9).

Во время расспроса в Астрахани К. Петров показывал, что после занятия турецкой стороной Топракова города и взрыва в нем казака-

¹⁴¹ Воинские повести, 1985. С. 422. Согласно свидетельствам Документальной повести и Эвлии Челеби, турецкий лагерь находился в полутора верстах от Азова вне пределов досягаемости казачьей артиллерии. См.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 86; Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 29.

¹⁴² Согласно Документальной повести (Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 87.) и тексту Поэтической, опубликованному в 1949 г. (Воинские повести, 1949. С. 75). По списку Поэтической повести, изданному в 1985 г., турецких подкопов было семь (Воинские повести, 1985. С. 442). Число «семь» употреблено в данном случае, скорее всего, как сакральное. Сказанное относится, по-видимому, и к численности, согласно этому списку, осажденных в Азове казаков. В частности, в двух местах текста сказано, что казаки противостояли огромным турецким силам «семью тысящи», т. е. семи тысячам (Там же. С. 434—435, 441).

¹⁴³ В тексте Поэтической повести издания 1949 г. добавлено, что казаки под турецкие подкопы подвели свои и затем взорвали их (Воинские повести, 1949. С. 75). Насколько данное сообщение соответствует действительности, трудно сказать. По крайней мере, в документальных источниках ни о чем подобном не упоминается.

¹⁴⁴ Воинские повести, 1985. С. 442.

ми с помощью заранее проведенного подкопа «тысечи с три и болши» неприятельских воинов, турки штурмовали Азов и Ташкалов, но неудачно. Об этом приступе имеются некоторые подробности. В частности, К. Петров сообщал, что турки, заметав ров около Азова и Ташкола, пошли (в документе почему-то сказано: «хотели итти») на городовые стены. Казаки обливали штурмующих «варом», а также нечистотами и в ходе приступа «многих турецких людей побили».¹⁴⁵ Буквально в тех же словах и выражениях о некоем особом приступе турок к Азову рассказывал И. Острикову и А. Юдину в ногайских улусах очевидец этих событий ногайский татарин Оллак.¹⁴⁶ Затем, согласно К. Петрову, осаждающие подошли «блиско городской стены» шанцами (окопами) и «привели к городской стене земляной вал», сбив затем азовские стены до основания.

Еще раз подчеркнем, что здесь четко видим, безусловно, уже второй, произошедший в августе этап обстрелов Азова, в отличие от первого — июльского (поскольку второй этап, о котором говорит К. Петров, имел место уже после падения Топракова города, т. е. после 2 августа). Причем если июльский обстрел, в основном, велся, надо полагать, по Топракову городу, то в августе дальнейшему разрушению подверглись, по-видимому, Азов и Ташкалов. Отметим также, что турки, согласно показаниям К. Петрова, не просто обстреливали город, а били по нему едва ли не в упор, да еще из осадной артиллерии и с высоты вала. Казаки же в это время, выкопав «в городе ров, и ото рву зделали острог», который, «заметав землею», т. е. создав внутри крепости земляной вал со рвом, сами вкопались в землю и сидели «в ямах». Забегая чуть вперед, скажем, что в показаниях Оллака, помимо обстрелов, упоминается еще череда турецких приступов, однако точно определить их место в ходе осады не позволяет недостаток информации.

Далее К. Петров говорит о попытках турецкой стороны подвести под казачьи укрепления подкопы и противодействии этому казаков. Очень интересно известие о том, что в ряде случаев навстречу турецким подземным ходам казаки вели свои; в итоге, это заканчивалось схватками под землей, в ходе которых казаки, согласно сообщению К. Петрова, «многих турецких людей в подкопах побили». В реальность последнего известия верится с трудом, однако оно подтверждается другими источниками. Так, в войсковой отписке от конца сентября—начала октября 1641 г. казаки сообщали в Москву, что у них

с турками «бои в подкопах были из самопалов великие».¹⁴⁷ Наконец, казаки сами, согласно К. Петрову, подводили подкопы на вражескую территорию и, приманив на заранее определенные места силы неприятеля, «зелье» в подкопах зажигали «и тем многих турецких людей побивали». При этом некоторых из турецких воинов, по показаниям К. Петрова, силой взрыва «бросало в город и за Дон».¹⁴⁸ В расспросных речах И. Новокрещена уточняется, что турки приманивались на нужное место с помощью вылазок.

В какое время началась эта подземная война, К. Петров не говорит. Нет сомнения, что со стороны казаков она велась с самого начала боев под Азовом: взрывы производились уже во время первого приступа турок. Однако в какой период осады к этой войне активно подключилась турецкая сторона, из расспросных речей К. Петрова не вполне ясно. Если понимать показания астраханского стрельца формально, исходя из простой последовательности передаваемых им в расспросных речах событий, то из документа следует, что подкопные мероприятия турок начались уже после второго этапа обстрелов крепости.

Пролить дополнительный свет на данный вопрос могут отчасти расспросные речи в Астрахани еще одного свидетеля событий — И. Новокрещена. Последний сообщал, что в один из моментов осады «турские люди» от городской стены «стояли поодаль» и подводили под нее три подкопа, а к Азову долгое время не приступали. Казаки же, узнав о подкопах (судя по всему, от «языков»), «перекопали от Азова подкоп поперег» направления подкопов турок. Обнаружив, по словам И. Новокрещена, два из них (о третьем источник больше не говорит), казаки забрали оттуда турецкий порох, «побили» в этих подкопах 70 человек и «к Азову тех подкопов довести не дали». И только затем, согласно показаниям И. Новокрещена, турки, «заметав подле городовые стены ров камышом и землею», подвели к городу земляной вал и из пушек городовые стены со всех сторон — «от степи, и от моря, и с приходу от бояраков» — сбили до подошвы; «и башни збиты все ж до подошвы», уточнял И. Новокрещен.¹⁴⁹

Как уже говорилось, из данных расспросных речей не вполне ясно, к какому периоду осады относятся сообщаемые ими сведения. Однако, исходя из того факта, что И. Новокрещен был отправлен из

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 4—5. Данная фраза дословно: казаки «подкопы под их (турок. — О. К.) валы и под пушки копали, и много де они (казаки и турки. — О. К.) в подкопах сходились, и бои в подкопах были из самопалов великие».

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 261—262.

¹⁴⁹ Там же. Л. 237.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 261.

¹⁴⁶ Там же. Л. 116—117.

Астрахани под Азов только 6 августа, он мог застать лишь события конца этого месяца и сообщал о более раннем времени, скорее всего, на основе рассказов очевидцев. Приведенная нами ранее выдержка из расспроса И. Новокрещена в структуре его расспросных речей следует сразу же за характеристикой стрельцом турецко-татарских сил. Полагаем поэтому, что астраханский стрелец-«лазутчик» сообщал лишь о недавних по отношению ко времени его прибытия под Азов событиях. Поскольку в показаниях И. Новокрещена после «подкопных» событий явно следует уже знакомый нам второй этап обстрелов крепости, то сами эти события, возможно, надо относить к началу (или первой половине) августа.

Итак, если вести речь о последовательности событий в двух данных сообщениях, то в показаниях К. Петрова сначала говорится о неудачном приступе турецкой стороны к Азову и Ташкалову, затем идет речь о подведении турками к городу земляного вала, разрушении ими крепостных стен, устройстве казаками новых укреплений, и только потом следует рассказ о борьбе под землей. Расспросные речи И. Новокрещена передают события несколько иначе. В них сначала сообщается о развертывании подкопной борьбы, и лишь затем говорится о турецком земляном вале и уничтожении азовских стен. Таким образом, из показаний И. Новокрещена выходит, что подкопная война была развернута казаками, пока еще были целы стены, в то время как в расспросе К. Петрова об этой войне говорится как о следствии разрушения турками городских укреплений (так же представляет дело и Поэтическая повесть).

Здесь неизбежно возникает проблема: какой из источников верно отражает последовательность событий под Азовом в августе, или, точнее — когда все-таки начался этап подкопной («земляной») борьбы? На наш взгляд, вряд ли следует скрупулезно выискивать ответ на этот вопрос: известия как К. Петрова, так и И. Новокрещена, скорее, отражают ход борьбы за август в целом. Возможно также, что ведение подкопов со стороны турок могло происходить и в ходе других этапов борьбы за крепость. Со стороны же казаков подкопная война велась все время: взрывы начались уже с самого начала боев, и в этом отношении можно вспомнить казачьи замыслы еще до начала осады взорвать турецкий вал с помощью подкопов.

Необходимо упомянуть еще об одном способе борьбы казаков с турецкими подкопами. В расспросных речах К. Петрова говорится, что казаки у турок «подкопы перекопывали». Ответ на вопрос, в чем состоял смысл этого мероприятия, можно найти в записках Эвлии Челеби. В частности, Эвлия пишет: «С какой бы стороны к ним (казакам. — О. К.) не подбирались с подкопом и миной, они (казаки. — О. К.) <...> отыскивали подкопы и за ночь забрасывали вырытую из

подкопов землю обратно».¹⁵⁰ Поскольку подкопы под оборонительные сооружения велись, судя по всему, из ближайших к этим сооружениям траншей и рвов осаждающей стороны, то для осажденных оставалась возможность, каким-либо путем узнав о месте ведения подкопа, совершить вылазку туда, скажем, ночью. И поскольку место ведения подкопа держалось в строгом секрете, а работы по его созданию, надо полагать, тщательно маскировались, то ночью надлежащей охраны могло там и не быть.

Ситуация под Азовом не позднее, чем на конец августа зафиксирована также в сведениях, полученных И. Остриковым и А. Юдиным от ногайского татарина Оллака. Упомянутый татарин показывал, что на момент отъезда его из-под Азова — примерно в конце этого месяца, турецкие войска к городу «приступали по многие дни», но приступами Азова не взяли. Казаки же в это время, констатировал очевидец, «выходя из Азова подл[а]зами, турских людей побивают».¹⁵¹ Речь идет о казачьих подземных ходах и осуществлявшихся с их помощью казачьих вылазках. Говорится также о некоем решительном, но неудачном приступе турецкой стороны к Азову и о последовавшем за ним обстреле крепости из тяжелых осадных орудий, в ходе которого были сбиты практически все «зубцы и башни» города. Здесь идет речь также, судя по всему, о событиях августа, хотя не исключено, что приступы к крепости могли происходить и в июле.

В ходе второго (августовского) этапа обстрелов, уже после прекращения турками попыток подвести под казачьи укрепления подкопы, турецкая сторона, согласно Поэтической повести, предприняла обстрел казачьей земляной крепости (или, как говорит автор Повести, казачьих «ям») «огненными чинеными ядрами». Последние причиняли казакам, зарывшимся в землю от обстрелов, «тесноты» и потерь даже больше, чем приступы («пуще приступов»), «побивая» и «опаливая» многих из осажденных. Следует добавить, что в Азове находились также женщины и дети, о которых шла речь во время переговоров с турками, и которым тоже приходилось терпеть вместе с казаками все ужасы и лишения осады.¹⁵² Таким образом, в августе

¹⁵⁰ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 31—32.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 116.

¹⁵² Сообщение С. М. Соловьева и других авторов о том, что в Азове во время осады находилось 800 женщин, в исторических документах не встречается и восходит к запискам К. Крюйса. Источники последних он не называет, и, поскольку это были, по-видимому, устные рассказы, данные сведения едва ли можно признать достоверными. К примеру, численность казачьей стороны в ходе осады К. Крюйс определяет в 1400 человек, но это известие вступает в резкое противоречие с документальными данными. См.: Крюйс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже... С. 191.

1641 г. защитникам Азова пришлось пережить еще один этап обстрелов. Однако и данная мера не принесла осаждающим успеха.

В целом, казачья тактика в ходе третьего этапа борьбы за Азов представляется весьма разнообразной. Так, Эвлия Челеби пишет о нападениях казаков на турок через ходы, сделанные казаками в частоколах и завалах осаждающей стороны. Постоянные военные хитрости, неожиданные военные решения казачьей стороны неоднократно ставили турок в тупик. Поистине титанический размах оборонительных мероприятий казаков сказался в создании позади разбитых крепостных стен рва и земляного вала, разрушить которые была не в силах осадная артиллерия турецкой стороны. Возможно, земляные работы казаков (как и укрепление разрушенных оборонительных сооружений после турецких приступов) велись ночами, что может объяснять ночные обстрелы крепости турками. Все эти события происходят в течение августа.

Надо заметить, что некоторые элементы борьбы, использовавшиеся сторонами под Азовом и способные вызвать удивление (если не изумление) у современного читателя, встречаются в рассматриваемую эпоху и в других случаях осады крепостей. Так, прием ведения осажденными подкопов (иначе — «слуховых ходов») навстречу подкопам противника имел место в 1581 г. во время осады Пскова войсками Стефана Батория.¹⁵³ Возведение дополнительных укреплений позади стен предпринималось осажденной стороной как во время указанной осады Пскова, так и в ходе обороны Троице-Сергиевого монастыря в 1608—1610 гг. Обливание же противника со стен города «человечьим калом» видим и при обороне Пскова от войск Стефана Батория, причем в источнике говорится, что разведенные водой нечистоты еще и доводились до кипения.¹⁵⁴

Тем не менее, говоря о некоторой характерности для своего времени ряда боевых приемов сторон, нельзя упускать из виду главное, а именно — несопоставимость под Азовом численности сторон и невероятный накал боевых действий. Также надо принять во внимание не совсем обычный для своего времени прием возведения осаждающей стороной земляного вала и последовавший вслед за тем необычайной силы обстрел крепости, практически уничтоживший ее стены и башни. Трудно также привести пример из истории осад

¹⁵³ См.: Воинские повести, 1985. С. 336. В источнике — «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» — говорится, что некоторые литовские подкопы сошлись с русскими «слуховыми ходами», но о боях под землей при этом не сообщается.

¹⁵⁴ Там же. С. 318, 332; Тюменцев И. О. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры в 1608—1610 гг. Волгоград, 1995. С. 58.

городов, где велась бы с подобной интенсивностью и подкопная война.

Данные русских источников о третьем этапе борьбы за крепость очень интересно сопоставить с записками турецкого автора. Итак, в ходе обстрелов крепости, говорит Эвлия, от нее остались только три башни, остальные укрепления были разбиты и разрушены до основания. Однако, продолжает автор, осажденные в крепости казаки «зарылись в землю и устроили там свою ставку», укрывшись таким образом от пушечного огня турок и обеспечив неприступность крепости. С какой бы стороны ни подбирались к ним с подкопом и миной, казаки, «как кроты», отыскивали подкопы; более того, их знатоки минного дела прибегали «ко всяким ухищрениям» и сами устраивали подкопы. В искусстве делать последние, говорит Эвлия, казаки проявили «гораздо большее умение, чем земляные мыши».¹⁵⁵

Далее, как сообщает Эвлия Челеби, события начали приобретать неблагоприятный для турок оборот. Дело в том, что пока шла эта подкопная война, турецкие воины бездействовали, и среди них стали возникать «различные толки и пересуды» о неудачном ходе осады. Казаки же в это время, по словам Эвлии, перехватывают инициативу. Несколько ранее в его записках говорится о неудачной попытке якобы четырех тысяч казаков из донских городков прорваться на сорока судах в Азов. Тогда казаки, как пишет автор, попали в турецкую засаду, располагавшую артиллерийскими орудиями. В итоге, они были разбиты и перетоплены, а выбравшиеся на берег попали в плен. Однако затем казаки отказались от посылки подкреплений на судах: каждую ночь в крепость стало переправляться, по словам Эвлии, по 500—600 казаков, которые, раздевшись и погрузившись в воды реки Дон, плыли, дыша с помощью взятой в рот камышинки. И, пока бездействовали турецкие воины, осажденные в Азове стали постепенно набираться свежих сил.¹⁵⁶ День ото дня воинственность казаков росла, пишет далее Эвлия, и они начали совершать налеты на турецкие окопы, а также предпринимать ночные нападения, укрываясь затем под землей. «Без всякого страха ходили (казаки. — О. К.) по подземным ходам, проделывали отверстия в частоколах, в завалах и убивали выдвинувшихся вперед» турецких воинов.

Такого поворота событий турецкая сторона, конечно, не ожидала. Далее видим, пожалуй, одно из наиболее интересных мест в запис-

¹⁵⁵ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 31—32.

¹⁵⁶ Здесь, безусловно, видим значительное преувеличение численности казачьих подкреплений.

ках Эвлии Челеби. И так, пока дела шли подобным образом, в окопах турецкой стороны «зрело недовольство». На мусульманских газиев «напал страх, и они говорили: „Разве можно вести войну таким позорным способом?“ Возникли многочисленные слухи, будто московский король идет с двухсоттысячным войском. Люди лишились рассудка...».¹⁵⁷ Любопытно, что все это сообщает автор, для которого турецкие воины — «знаменитые победоносные войска», слуги Аллаха, а казаки — «презренные кяфиры». И чтобы он написал эти строки, казакам действительно нужно было посеять очень сильный страх и замешательство среди турок.

Одновременно с ропотом в рядах турецких воинов начались разногласия и среди верхушки турецко-татарского войска, в связи с чем от рассказа Эвлии ненадолго обратимся к русским источникам. Как показывали вернувшиеся 17 сентября в Астрахань с Дона (из казачьего городка Курман Яр) астраханские татары М. Самаров с товарищами, многие из крымских и ногайских татар из-под Азова пошли в Крым, так как у них иссякли запасы продовольствия. При этом в руководстве турецко-татарской армии возникло следующее разногласие. Крымский хан упрекал турецких пашей в том, что они, так долго осаждая крепость, не сумели захватить ее, и отказывался далее стоять под Азовом, жалуясь на отъезд своих людей. Турецкие паши, в свою очередь, отказывались снять осаду без указа султана, повеление которого на этот счет должно было вскоре прибыть.¹⁵⁸ Данные сведения сообщил во время допроса крымский татарин, захваченный казаками 2 сентября 1641 г. во время боя с татарами под Черкасским городком. Таким образом, упомянутые известия приходятся примерно на конец августа (или, по крайней мере, на время не позднее 2 сентября).

В документе сообщается также о прекращении в это время под Азовом военных действий с турецкой стороны. Так, те же татары М. Самаров с товарищами, отбыв с Дона в начале сентября, сообщали, что казаки из Азова отправили посланцев в казачьи городки по Дону с известием, «что они, азовские казаки, турских и крымских людей в подкопах и на приступех, и на выласках побил многих людей», в связи с чем «турские люди после того к ним не приступают». «Азовские» казаки просили также казаков из городков прийти к ним в Азов «для славы», хотя бы и в небольшом числе. Просьба «азовских сидельцев» была выполнена — из донских городков собра-

¹⁵⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 32.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 103—104.

лось «человек з двести и болши» казаков, которые на стругах ночью прошли в Азов.¹⁵⁹

Таким образом, к концу августа в военных действиях наступает затишье, которое, возможно, прерывалось казачьими вылазками против турок через подземные ходы, как об этом сообщал русским посланникам И. Острикову и А. Юдину в ногайских улусах татарин Оллак. Турки к этому времени были сломлены морально, казаки же предпринимают действия, подчеркивающие их боеспособность. Демонстрацией последней («для славы») и объяснялась, в частности, необходимость прибытия в Азов подкрепления из городков. Очень важно имеющееся в документе упоминание, что на конец августа 1641 г. подмога к туркам из Стамбула (включая указ султана о продолжении осады) еще не пришла.

Вернемся, однако, к рассказу Эвлии Челеби. Вызывает интерес описание турецким автором обстрелов крепости и ответные действия казаков. Последние на ураганный огонь отвечали тем, что за ночь укрепляли разрушенные места. При этом, как уже говорилось, в ход шло все — капканы, щиты, заостренные колья, земляные укрепления. Таким образом, видим здесь метод, который применялся казаками при удержании разрушенных стен и восстановлении линии обороны. Насколько можно судить со слов Эвлии, турки совершенно не ожидали такого поворота событий. Точно так же неожиданной для турок была, по-видимому, и ответная мера казаков на разрушение турками крепостных укреплений в целом. Сообщение турецкого автора согласуется здесь с русскими источниками в том, что казаки создали в Азове земляные укрепления. Далее Эвлия в двух словах сообщает о подкопной войне, которая, согласно его рассказу, разыгрывается уже после того, как казаки «зарылись в землю», и первенство в этой войне турецкий автор отдает казакам. В частности, почти восхищаясь умением казаков делать подкопы, он добавляет, что казаки «даже показали мастерство проведения подкопов под водой реки Дон, используя для этого просмоленные, облитые варом лодки», но это, безусловно, преувеличение.

Наконец, как сообщает Эвлия Челеби, турецкая сторона задумала провести решающий штурм. В «час добрый», как выражается автор, со всех сторон по Азову ударили пушки и ружья. Со стороны мусульманского войска раздался клич: «Аллах!». «От ружейного огня и клубящейся черной пыли воздух стал темнеть», — пишет турецкий автор; но затем сильный ветер разогнал дым, и противники стали

¹⁵⁹ Там же.

видеть друг друга. Войска мусульман «острыми мечами вонзились в крепость»; круша «кяфиров» направо и налево, они погнали их в цитадель. В течение восьми часов шла отчаянная битва. Однако казаки, «применив дьявольскую хитрость», взорвали подземные заряды, «чтобы как ласточку швырнуть в воздух войско ислама». Свинец сражал тех, что приближались к бойницам. «Час от часу войско ислама стало нести [все большие] потери убитыми». Турецкие воины были измотаны, от жары и жажды они «дошли до грани гибели». На закате турки отступили, потеряв, согласно Эвлии, только убитыми 1200 человек. Казаки, между тем, вновь трудились всю ночь и «разрушенные стены крепости сделали столь же прочными и крепкими», как и прежде. Они восстановили тайники для засад и бойницы, воздвигнув, по словам автора, «как бы новую Стену Искандера». Мусульмане, увидев все это, пришли в уныние. «Что поделаешь, — говорили они, — раб предполагает, а бог располагает!»¹⁶⁰

Этот приступ, последовавший, согласно Эвлии Челеби, после подкопной войны, трудно отождествить с событиями, известными по русским источникам. Однако данный эпизод интересен тем, что на его примере еще раз повторяются казачьи боевые приемы, схваченные глазом наблюдательного очевидца. Это взрывы подкопов, меткая стрельба из огневых точек (бойниц) и восстановление ночью разрушенных укреплений. Характерно, что все эти меры ломали волю турецкой стороны к наступлению. Одна из последних фраз рассказа Эвлии о боях за Азов следующая: «в конце концов, войско отчаялось завоевать крепость», воины говорили: «такова, видно, воля божья, таково божье предначертание».¹⁶¹

События осады, которые в начале настоящей работы были предварительно выделены нами (в соответствии с данными Поэтической повести) в качестве третьего этапа борьбы за Азов, представляют из себя двухнедельные круглосуточные приступы турок к крепости. О них известно только из Поэтической повести. Последняя сообщает, что в один из моментов осады турецкое командование, оставив в покое «мудрые осадные промыслы», решило «доступать» казаков «прямым боем». Смысл этих действий состоял в том, чтобы взять обороняющуюся сторону измором. Так, поясняется в Повести, десять тысяч янычар приступало к казакам «целой день до ночи», а ночью на перемену им приходили другие десять тысяч.

Согласно Повести, это было самое тяжелое для казаков время: «...от бессония и от тяжких ран своих, и от всяких лютых нужд, и от

¹⁶⁰ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 33—34.

¹⁶¹ Там же. С. 36.

духу смрадного труплова отяжели мы все и изнемогли», — констатирует автор. Отчаянность положения казаков заключалась в следующем: они оставались «в мале дружине», и перемены ведущим бой казакам, в отличие от турок, не было («ни на единый час отдохнуть нам не дадут»). Если верить Повести, то положение было действительно критическим: казаки «отчаяли уже <...> весь живот свой» и надеялись теперь только на бога. В словах молитвы перед образом Иоанна Предтечи, вложенной в уста казаков автором Повести, ярко передано моральное и физическое состояние азовских сидельцев: «А топере от турок видим впрям смерть свою. Поморили нас бессонием; дни и ночи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися, и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели. Уж от истомы очи наши не глядят, уж от беспрестанной стрельбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом. Язык уш наш во устах наших не воротитца на бусурман закрыть. Таково наше безсиле: не можем в руках никакова оружия держать. <...> 3 два часа уже не будет в осаде сидения нашего».¹⁶²

Наконец, согласно автору Поэтической повести, казаки после молитвы и прощания друг с другом и «святой Русью» пошли на вылазку, «чтобы умереть не в ямах и по смерти бы учинить слава добрая». Вылазка казакам удалась, и, согласно автору Повести, в ходе нее было убито шесть тысяч турок. Увидев, что казаков сломить не удастся, турецкое командование прекратило приступы. Далее автор сообщает, что осада длилась с 24 июня по 26 сентября, составив в целом 93 дня и 93 ночи. 26 сентября, еще до рассвета, турецко-татарское войско покинуло свои «таборы», а около 1000 казаков (вероятно, наиболее боеспособных) выходило для преследования неприятеля, захватив «в языках» 400 человек и застав в его «таборах» 2000 больных и раненых.¹⁶³

Надо сказать, что в документальных источниках (также как и в Документальной повести) об этапе круглосуточных приступов к Азову не говорится, и, следовательно, мы не можем с необходимой долей уверенности датировать их. Косвенно показания Повести могут подтвердить записки Эвлии Челеби. В частности, говоря о завершающем этапе борьбы, он пишет: «И снова там и сям начался бой. Однако он уже не велся (турецкими войсками. — О. К.) со всем сердцем и жела-

¹⁶² Воинские повести, 1985. С. 443. Указание на то, что данные турецкие приступы длились две недели — «14 дней и 14 ночей» — имеется лишь в тексте издания 1949 г. (Воинские повести, 1949. С. 76). Еще раз повторим, что в Документальной повести этот эпизод отсутствует вовсе.

¹⁶³ Воинские повести, 1985. С. 444, 446.

нием, от души, как это было раньше. Как бы то ни было, они не проявляли теперь [прежнего] усердия и рвения, а *передышки от сражений не было ни днем, ни ночью*.¹⁶⁴ Далее Эвлия говорит об уходе турок из-под крепости.

Согласно документальным источникам, четвертый (и последний) этап противостояния — теперь уже не за город, но, как говорится в Поэтической повести, за «пустое место азовское», выглядит иначе. Боевые действия под крепостью возобновляются с прибытием из Стамбула турецкого подкрепления, отправленного оттуда, согласно данным В. Д. Сухорукова, 15 августа. Из документальных источников о событиях в сентябре известно только по расспросным речам в Астрахани И. Новокрещена. Последний сообщал, что при нем турецкий султан прислал под Азов «прибылых людей» и «зеленую казну», велел стрелять по Азову день и ночь, чтобы все-таки взять его.¹⁶⁵ Время прибытия турецких кораблей И. Новокрещен не сообщает, однако, с учетом данных, которые приводит в своей книге В. Н. Королев — отечественный исследователь мореплавания по Черному морю в XVII в., они могли добираться до Азова примерно полторы—две недели и более.¹⁶⁶ Если сопоставить это время с показаниями документальных источников о ходе борьбы, то турецкое подкрепление должно было прибыть под Азов примерно в начале сентября.

Как уже сказано, из показаний Поэтической повести (и, как будто, из записок Эвлии Челеби) мы знаем, что на завершающем этапе осады с турецкой стороны последовал круглосуточный штурм Азова сменами турецких воинов, ведущийся, может быть, уже не столь ожесточенно, как первые приступы, но достаточно настойчиво, чтобы до полусмерти измотать казаков, не имевших людей на подмену. Между тем, И. Новокрещен передает события совсем иначе. Согласно его показаниям, турецкие «прибылые люди» стали за Доном против города, где еще оставалась стена с тремя башнями. Отсюда, перевезя за Дон «наряд», они «днем и ночью» стреляли по Азову «семнадцать дён», сбив башни по зубцы, а стену выбив до подошвы — лишь «в редких местах осталось стены збито по зубцы». И на этом турки «то де зелье все выстреляли».¹⁶⁷ Таким образом, к сентябрю относится

¹⁶⁴ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 34.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 238.

¹⁶⁶ Королев В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 193—194. Более точное определение времени следования турецких судов было бы возможно при наличии информации о погоде и ветрах на Черном море в это время.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 238. Возможно, что турецкая сторона планировала устроить штурм со стороны реки, но, впрочем, об этом в документе не говорится.

уже третий этап обстрелов Азова. Выскажем, однако, догадку, что обстрелы Азова в сентябре и череда приступов турок могли происходить в одни и те же дни; не исключено, что так было в июле и августе. Подобное сочетание обстрелов и приступов видим, к примеру, во время осады Пскова войсками Стефана Батория (1581 г.).¹⁶⁸

В сентябре продолжались, согласно показаниям И. Новокрещена, раздоры между крымским ханом и турецкими пашами. Существование этих раздоров состояло в следующем. Турецкий султан писал «с прибылыми людьми» к пашам, что они с войском стоят под Азовом все лето, а «промысла никакова» над городом «учинить не умеют» и «Азова такими болшими людьми не возьмут». И, не захватив Азова, от него бы не отходили. В связи с этим и возобновилась ссора между турецким и крымским руководством: турки собирались зимовать под Азовом, к чему призывали и хана. Однако последний наотрез отказался, мотивировав свою позицию тем, что «запасов» для питания у его татар нет, да и конские корма близ Азова все отравлены. Турецкие паши ругали крымского хана за то, что он со своими ратными людьми стоял от города в трех и четырех верстах и «промыслу» над Азовом никакого не учинил — на приступы ходили лишь ратные люди, подчиненные турецким пашам. Однако хан велел татарам перейти на правый берег Дона (Азов находился на левом берегу этой реки), в результате чего «у турецких де людей в полках стало голодно и купить запасов стало негде».¹⁶⁹

Надо отметить, что на позицию крымского хана могло очень сильно повлиять еще одно обстоятельство. Согласно показаниям К. Петрова, в сентябре 1641 г. поход на Крым совершили «польские и литовские (судя по всему, запорожские. — О. К.) многие люди». Преодолев Перекоп, они прошли внутрь Крыма на день пути (на «днище»), повоевав «многие крымские улусы» и захватив «полон многой». Обрато они отошли «в целости», поскольку крымский хан со всеми воинскими людьми был под Азовом.¹⁷⁰

Наконец, согласно краткому упоминанию К. Петрова, турки получили разрешение султана на уход из-под Азова.¹⁷¹ Как замечает в своей книге Н. А. Мининков, их отступление весьма напоминало отход армии, которую постигла катастрофа.¹⁷² Так, под Азовом на

¹⁶⁸ Воинские повести, 1985. С. 338 («Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»).

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 103 (Расспросные речи в Астрахани приехавших с Дона 17 сентября едисанских татар М. Самарова с товарищами).

¹⁷⁰ Там же. Л. 222—223.

¹⁷¹ Там же. Л. 214—215.

¹⁷² Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 390.

взморье турками был брошен ряд «каторг», большинство людей с них погибло (было «побито») под Азовом. Характерно, что в этих каторгах было брошено более тридцати человек раненых и мертвых.¹⁷³ Как уже говорилось, согласно сообщению Поэтической повести, около 1000 казаков при отступлении турок ходило на вылазку, захватив при этом 400 человек и застав в турецком лагере около 2000 больных и раненых.¹⁷⁴

Обратимся к последней, третьей, группе документов 2-й части источников. Содержание войсковой отписки донских казаков, доставленной 28 октября 1641 г. в Москву станицей атамана Н. Васильева и сообщавшей о ходе борьбы за Азов, отчасти известно по государственной грамоте на Дон от 2 декабря 1641 г. В грамоту вошел ряд сведений из упомянутой казачьей отписки, не встречающихся в других источниках (за исключением неопубликованной «выписки» из нее). Рассмотрением известий упомянутой грамоты и следующего документа мы хотели бы подвести своеобразный итог рассказу о событиях азовского осадного сидения 1641 г.

Согласно грамоте от 2 декабря, в казачьей отписке говорилось, что 7 июня (в действительности — 24 июня) 1641 г. под Азов пришли турки и татары с людьми из многих земель, всего их было по списку раздачи жалования 240 тысяч человек. Далее в грамоте следуют заимствованные из казачьей отписки общие слова о «великих боях» казаков с «бусурманами», подведении турками к крепости «земляных валов великих» и «подкопов многих», сообщается о разрушении городских стен. Особо выделено проведение казаками, в свою очередь, «многих подкопов» под турецкие валы и пушки, а также отмечается, что казаки с турками под землей «много встречу сходились, и бои в подкопах были». Общие потери турок отписки казаков определяет в 20 тысяч человек. Во главе боевых действий стоял («был у подкопов и у промыслов») атаман Осип Калуженин, здесь впервые видим его на посту войскового атамана. «Отсиделись» казаки от неприятеля в «четвертом земляном городе и в земляных избах», поскольку городские стены были сбиты «по подошву». Рвов около Азова, согласно казачьей отписке, осаждающими было выкопано более чем на пять верст; в ходе боев казаки отбили у неприятеля «большое знамя турецкого царя» и захватили семь других знамен.¹⁷⁵

¹⁷³ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 262, 212.

¹⁷⁴ Военские повести, 1985. С. 446.

¹⁷⁵ Донские дела. Кн. 2. Стб. 367—369. В казачьей отписке сообщалось также о ранении в ходе боев «самого болшово» турецкого паши. См.: РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 5.

Размах турецких осадных мероприятий констатируется и в выписке о поездке на Дон А. Желябужского и А. Башмакова. Любопытно, что в этой выписке также цитируется упомянутая отписка донских казаков. Здесь, однако, приводится та ее часть, где казаки просят прислать в Азов воеводу с ратными людьми, поскольку еще одну осаду они выдержать не в состоянии: многие казаки, «такую нужу терпев», разошлись вверх по Дону в свои городки, многие «побиты и переранены». Тут видим обратную сторону той «чести и славы», которую, по словам государевой грамоты на Дон от 2 декабря снискали себе казаки в ходе своего беспримерного «осадного сидения».¹⁷⁶ В частности, казаки говорят о том, что после осады они «наги и боси, и голодны, розорены до основания» и «запасов де у них, и пороху нет». Более того, после осады казаков «без глаз и без рук, и без ног стало много».¹⁷⁷ Согласно Документальной повести, потери казаков в Азове только убитыми составили «болши трех тысящ».¹⁷⁸ Если данная цифра верна хотя бы приблизительно, это означает, что в ходе осады погиб почти каждый второй, многие (а согласно Поэтической и Документальной повестям — «все») были переранены и искалечены. Для казаков это были катастрофические потери. В связи с вышеупомянутым в Москве и задались целью узнать, что представляют собой азовские укрепления.

Вернувшись из Азова, А. Желябужский и А. Башмаков показали следующее. Все три города — Азов, Топракалов и Ташкалов — были каменные. Ров вокруг всех трех городов был вымощен камнем, шириной в четыре, глубиной в полторы («пол-2») сажени. Весь этот ров около всех городов был засорен разбитым городовым камнем и землей с той поры, как «бусурманы валили к городу вал». Всех башен у трех городов было 11, из них осталось три башни, да и те «испорчены, порозбиты». Топраков город, включая каменные палаты, был снесен («збит») весь. Разрушения в этом городе свидетельствуют о довольно долгом удержании его казаками — вплоть до полного разрушения городских стен и строений, что косвенно подтверждает достоверность известий о его оставлении казаками только в начале августа. «Средняя» городская стена между этим городом и Азовом была «збита во многих местех до половины стены, а инде не много оста-

¹⁷⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 371.

¹⁷⁷ Там же. Стб. 260—261. См. также пересказ данной войсковой отписки в «турецких делах»: РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 1. Л. 6—9. В целом, создается впечатление, что основное содержание этой отписки казаков состоит не столько в рассказе о ходе самого азовского осадного сидения, сколько в передаче того тяжелого положения, в котором оказались казаки после отступления турецко-татарского войска.

¹⁷⁸ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 89.

лось, а в иных местах збито до земли». Такие же разрушения видим и в Ташкаловом городе: у стены, что шла «от Дону реки от наугольные башни к степи» осталось «целово места <...> сажен з десять, а инде и стена проломлена, а башня наугольная вся збита, мало и знать, и городовые стены збиты ж». Сбита была и стена между Ташкаловым городом и Азовом. В целом, констатировалось в отчете А. Желябужского и А. Башмакова, «Азова и пригородов некоторыми обычаи начертить не мочно: розбито все, и стены и башни испорчены».¹⁷⁹ С этими известиями перекликается следующее сообщение в Астрахани К. Петрова: «А город де Азов весь розбит, лише основанье от земли осталось».¹⁸⁰ На этом мы завершаем рассмотрение документов, непосредственно рассказывающих о ходе вооруженной борьбы под Азовом летом—осенью 1641 г.

Любопытны отзывы о боевых качествах донских казаков из турецкого лагеря. В частности, крымский мулла, бывший очевидцем обороны казаками Азова, говорил позднее: «Таких де жестоких смелых бойцов нигде не видал и не слыхано, даром де некоторой пульки не выпустит, а подкопами злые великие беды нашим чинили».¹⁸¹ Воинственными и храбрыми, как быки, именует казаков и Эвлия Челеби.¹⁸² Он же, высоко оценивая в своей «Книге путешествия» воинскую доблесть казаков (речь на этот момент шла, правда, в первую очередь, о залорощцах) и передавая боязнь, которую казаки внушали туркам, восклицает: «Однажды во время войны за крепость Азов я <...> хватил горя от этих злодеев и видел, как они воюют и дерутся!»¹⁸³

Известия о тяжелом поражении турок быстро разнеслись по окрестным землям. Так, бежавший из турецкого плена донской казак Онуфрий Шатров, шедший осенью 1641 г. через Валахию и Малороссию к Путивлю, слышал «в розговорах», что «под Озовом побиты турецкие многие люди».¹⁸⁴ А. Л. Ордин-Нащокин писал в июле 1643 г. боярину Ф. И. Шереметеву, что он слышал в Молдавии от многих людей следующее: «от ево высокие руки (царя Михаила Федоровича. — О. К.) бусурманом страх озовским взятъем, и как отсиделись такие малые люди ото множества людей...».¹⁸⁵ В марте 1642 г. приехав-

¹⁷⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 262—264.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 222. Далее К. Петров добавляет: «А стрельба по тому городу из наряду такая была, что ни в день, ни в ночь покою не было».

¹⁸¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 309.

¹⁸² Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. С. 31.

¹⁸³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. С. 22.

¹⁸⁴ Донские дела. Кн. 2. Стб. 373.

¹⁸⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 309.

шие в Москву с войсковой отпиской атаман Аввакум Сафонов и казаки его станицы подчеркивали в своей челобитной, что в ходе обороны Азова казаками «поганых на выласках и на приступех, и подкопами побито многое множество».¹⁸⁶

Потери турок действительно были очень велики. Так, И. Новокрецен показывал, что после раздачи под Азовом турецким воинам «хлебных запасов» он слышал, что «побитых» и умерших насчитали около 18 тысяч «турских людей». Кузьма Петров приводит цифры примерно того же порядка. В ходе расспроса в Астрахани он сообщил, что слышал от турецкого «головы» Ян-мурзы следующее: «побито <...> турецких начальных и лутчих людей тысе[ч] с шесть, а даточные побиты многие». Во время расспроса в Москве он же показывал, что «побито под Азовом турецких имянных людей по писму четыре тысячи шестьсот человек. А мелких убито тысяч с восемь и болши». При этом, подчеркивая катастрофический характер турецких потерь, К. Петров прибавляет: «в одной де каторге было турецких людей семьсот человек, а из тех ис семисот человек остался толко один человек раненый, а то все побиты».¹⁸⁷ Целиком погиб и отряд крымских стрельцов («сейменов») численностью в 500 человек, подорвавшийся на казачьем подкопе.¹⁸⁸ В целом, турецкие потери были очень велики и значительно превосходили общее количество осажденных в Азове казаков. Для турецкой стороны это было позорное поражение. Несомизмеримость численности сторон приводила даже к приуменьшению казачьих сил. Так, К. Петров показывал во время расспроса в Москве, что ему приходилось слышать следующее: сначала в Азове сидело в осаде около полутора тысяч казаков, после же осады их осталось семьсот человек.¹⁸⁹ О позоре поражения, которое потерпели мусульмане «от таких <...> малых людей», говорили сами турки.¹⁹⁰ Казаки в отписке в Москву от конца сентября—начала октября 1641 г. сообщали, как уже упоминалось, о двадцатитысячных потерях турецкой стороны. Причем здесь имеются в виду только убитые и умершие от ран. В отписке казаков в Москву от февраля 1642 г. сообщалось уже о 70-тысячных потерях турок. При этом казаки ссылались на по-

¹⁸⁶ Донские дела. Кн. 2. Стб. 310.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 211—212, 238, 262. О том же см.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 286.

¹⁸⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 286, 288. Этот отряд, вооруженный огнестрельным оружием, единственный из всего крымского войска участвовал в приступах.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 127. 1641 г. № 1. Л. 221.

¹⁹⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 309.

лученную от «языков» информацию о полном подсчете турецкой стороной своих потерь.¹⁹¹ В Документальной повести приводится число в 90 тысяч «турских и всяких людей», убитых под Азовом «на приступех, и на выласках, и подкопами»;¹⁹² в Поэтической повести это число достигает 96 тысяч.¹⁹³

В заключение хотелось бы сказать следующее. В данной статье была предпринята попытка комплексного и детального рассмотрения как источников, так и хода азовского осадного сидения 1641 г. Одной из стержневых задач статьи являлось решение вопроса о достоверности сообщений Поэтической повести об этапах интересующего нас события. Анализ ряда данных, содержащихся в документальных источниках, позволил сделать вывод о правильности событийной канвы указанного произведения. Это обстоятельство позволяет существенно скорректировать сложившиеся в историографии представления о ходе осады турками Азова. В частности, возведение турецкой стороной земляных валов и связанные с этим события (жесточайшие обстрелы крепости, основные эпизоды подкопной борьбы) имели место не в конце августа и сентябре, как считается в большинстве работ, а в июле—августе. В деталях же, напротив, Поэтическая повесть не точна. Подробное рассмотрение данных ряда документальных источников (прежде всего, из фонда «ногайских дел» РГАДА) позволило также, помимо простого дополнения к имеющимся в литературе фактам, более отчетливо представить себе хронологию основных этапов борьбы под азовскими стенами летом—осенью 1641 г. Так, с большой долей уверенности мы можем говорить о событиях, происходивших под Азовом в июне, июле, августе и, отчасти, сентябре 1641 г.

Завершая рассмотрение азовской обороны, нельзя не остановиться на ее итогах. В исторической литературе отмечалось, что данное событие носило мировой масштаб. «Как взятие Азова, так и оборона его казаками были мировыми событиями своего времени», — пишет М. Я. Попов.¹⁹⁴ В. Д. Сухоруков считал, что турецкие войска, не сумевшие взять Азов и тем посрамившие знамена своего султана, «присвоили казакам громкую славу, которая займет одно из почетнейших мест в летописях войн».¹⁹⁵ Соглашаясь с подобными оценками, заметим, что для казаков отстаивание Азова на тот момент времени окон-

чилось ничем, или, скорее даже, имея в виду ближайшие военные и экономические последствия данного события, отрицательно. В этом отношении правы были казаки низовых городков, считавшие, что каменные стены крепости казаков «не накормят», и отказывавшиеся умирать «за камень». Город без боя, в итоге, был возвращен туркам.

Если казачьи потери в Азове были хотя бы приблизительно порядка трех тысяч, как об этом сообщает Документальная повесть, (причем это, согласно источнику, только убитыми, не считая искалеченных («без глаз, без рук и без ног»)), то для казаков данные потери были, безусловно, катастрофическими. На всем протяжении 40-х гг. XVII в. донское казачество с трудом отражало резко усилившийся после оставления Азова (1642) натиск на Дон. При этом гибли казачьи городки, на некоторое время казаки были выбиты с низовьев Дона (1643—1644); потери казаков, понесенные в ходе азовской обороны, обернулись для них в дальнейшем новыми потерями.

Тем не менее, подвиг казаков при обороне Азова явился неким торжеством над «бусурманами» (как это было принято понимать в ту эпоху) православного христианства вообще, изумившим мировое общество. Причем, говоря об отрицательных на первое время для донского казачества итогах обороны Азова в 1641 г., надо одновременно сказать и о том, что следствием данного события стал ряд политических и экономических процессов в казачьей среде, которые наложили неизгладимый отпечаток на сферу отношений Москвы и Дона. Последние в период с 40-х гг. XVII в. по первую половину 60-х гг. данного столетия достигают невероятного по сравнению с более ранним временем сближения. Рассмотрение этих процессов, впрочем, уже выходит за рамки настоящей работы.

¹⁹¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 285—187.

¹⁹² Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 89.

¹⁹³ Воинские повести, 1949. С. 80; Воинские повести, 1985. С. 447.

¹⁹⁴ Попов М. Я. Азовское сидение. С. 42.

¹⁹⁵ [Сухоруков В. Д.] Историческое описание земли Войска Донского. С. 189.